

Илья Некрасов Град на холме

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9481473

*И. Некрасов Град на холме: фантастика: ООО "Написано пером"; С-Петербург; 2015
ISBN 978-5-00071-216-0*

Аннотация

В руки детектива попадает странное дело. Некто крадёт музейные экспонаты, исторические документы, чтобы... внести в них кое-какие правки и вернуть обратно – в музеи и галереи, в учебники. Кому-то захотелось создать версию истории, в которой нет места прогрессу. Научному, культурному, социальному. Но зачем?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Илья Некрасов

Град на холме

www.napisanoperom.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© И. Некрасов, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

* * *

- Кто здесь? Ты? Я так испугалась...
- Прости, любимая. Хотел сделать сюрприз. Ну, что с тобой? Давай, обнимемся. Вот так. Всё хорошо? Ночь, небо, звёзды. Город у наших ног. Разве не романтично?
- Здесь так высоко...
- Скажи, о чём ты думаешь, когда смотришь на мегаполис? На тех, кто внизу?
- Красивое и... странное место. Оно просыпается ночью. Зажигается неон. Всё сверкает. Небоскрёбы с подвижными этажами. Аэромашины, магнитные поезда.
- Забавно. Не так давно здесь пришлось бы строить целый ГУЛАГ.
- Зачем?
- Чтобы всё двигалось. Вертелось.
- А что изменилось?
- Кое-что в технологии. Колючая проволока и заборы – в прошлом. Теперь страхи подменяют сам воздух, и те, кто внизу, привыкают дышать ими... Плюс, быть комендантом концлагеря уже не модно.
- Думаешь, это смешно?
- Здесь сильный ветер. Пойдём, я расскажу одну историю. Что с тобой? У нас слёзки?
- Нет. Просто холодно. Сильный ветер.

Тонкая полоска света выхватывала из темноты только её глаза, а очертания лица размывались тенями внутри салона машины. Тонированные стёкла пропускали мало света. Его единственный тусклый луч проникал через зазор, оставленный приоткрытым стеклом.

В темноте салона блестел лишь её взгляд – приглушённый свет поглощался сумраком и мог отражаться только от глаз. Так они казались чуть больше обыкновенного.

Она смотрела перед собой. Вдаль. Пристальный и вместе с тем мягкий, восприимчивый взгляд широко распахнутых глаз оставлял ощущение статичности, ожидания. Будто в темноту задавался вопрос.

В синеве радужки сочетались холодные и насыщенные оттенки. Среди них был и ледяной мотив, но он не отталкивал. Его оказалось ровно столько, сколько необходимо для впечатляющего и естественного взгляда, при котором не нужна косметика. Глубокий синий цвет дополнялся идеальной чистотой белков. Длинные густые ресницы оттеняли белый, добавляя застывшему взгляду таинственности.

Но вот... она моргнула. Показалось, что в момент, когда сомкнулись веки, свет вокруг померк. Спустя мгновение из-под чёрных ресниц вновь блеснули глаза.

Она начала осматривать пространство, медленно переводя взор. Всё так же осторожно и внимательно. По-женски. Она смотрела на то, что находилось за пределами ярких, чистых, заблестевших по-новому глаз.

Влажный взгляд вспыхнул, точно став зеркальным. Он наполнился отблесками огней, которыми сверкал ночной Париж-3, попавший в поле зрения.

Она словно старалась впитать увиденное, не упуская ни одного огня. Умный наблюдательный взгляд охватывал всю картину.

Рядом пролетела аэромашина, и блики с её корпуса, отражения, отблески совместились с образом глаз. Казалось, их выражение непрерывно меняется – из-за скольжения света по поверхности стекла. То они блестели серебряно-белым, то чем-то едва уловимым, невыразимым, угасающим. Как холодный синий неон сквозь струи дождя.

Казалось, что взгляд постепенно наполняется слезами. Впрочем, это ощущение могло вызываться усилением бликов, поскольку на воздушных и наземных трассах добавлялось света. Ночной город превращался в настоящий океан из мерцающих огней. Он плескался до самого горизонта, где сливался с чёрным поблёскивающим небом. Потоки сигналов струились в темноте, а она всё так же переводила взор, пока...

Внезапно глаза остановились – в городе вспыхнуло пламя огромного взрыва, поднявшееся вверх на сотни метров. Оно отразилось на поверхности стекла клубящимся и чуть искривлённым огненно-рыжим столбом. Вдалеке вспыхнул грандиозный пожар, в котором могло погибнуть много людей.

Теперь стало заметно, что на её глазах едва удерживаются слёзы, отчего взгляд блестит сильнее и сильнее, а затем... затем...

* * *

Открылись мои глаза. Первые несколько секунд они ничего не видели. Впереди, где-то между мною и потолком, маячил тот же странный сон. Сегодня он повторился.

Будто привязался ко мне.

Нет, пора заканчивать с этой «работой на дому», а то в следующий раз можно очнуться уже в наркобаре. С другой стороны, есть отчего запить. Утрата вещьдока это не шутка. При том, что в деле появилась нелегальная наркота, да ещё невнятная позиция начальства. Есть шанс стать первым кандидатом в «крайние».

Возвращаться в такую реальность непросто. Я поднялся с дивана и, опираясь на стену, словно цепляясь за полоски теней от жалюзи, побрёл в сторону кухни, к воде. Снизу, из потёмков квартиры, донёсся звон опрокинутой бутылки, а онемевшие пальцы ног отозвались чем-то вроде боли...

«М-да, есть отчего запить», – то ли сказал, то ли подумал я, когда осознал, что уже стою у окна. В памяти совершенно не отпечаталось то, как я очутился довольно далеко от кухни.

«Научился телепортироваться?» – с укором спросил себя и исподлобья посмотрел на отражение в стекле. А потом и сквозь своего двойника.

Смутный силуэт терялся на фоне дождя. Тот стоял настоящей широкой стеной. Завеса падавшей с неба воды почти не пропускала огней города. Даже цепь рекламных щитов на соседнем здании сливалась в одно расплывчатое пятно. Город словно погрузился в тучу, серую, мокрую, клубящуюся, непрозрачную. Монотонный шёпот дождя проникал в голову.

Хмурое небо опустилось на серую бетонную землю. Взгляд постоянно соскальзывал с этой картины, не проникая в её глубину. Что-то выталкивало меня обратно.

На мутное стекло ложились извилистые струйки воды, а сквозь них пробивали дорожки крупные капли, деформируя мой исчезающий силуэт. Стекая по нему, проникая сквозь него.

Странно. Показалось, что силуэт на мгновение раздвоился. Будто из-за спины двойника вышел некто другой.

– Что за... – Я зажмурился.

«Чертовщина какая-то», – и вновь открыл глаза. Отвернулся от окна, чтобы больше не смотреть туда, а затем опустил сетку жалюзи.

Теперь взгляд упал на мою же размытую тень, всю в полосках теней от жалюзи. Включать свет не хотелось. Иначе придётся смотреть на откровенный бардак и пустые бутылки.

Моё обычно оправдание – что алкоголь вымывает из организма химию, которую нужно глотать по долгу службы – больше не работало. Нежданно очнувшаяся совесть не принимала фальшивых извинений.

Хорошо, хоть голова не болит. Пустая, но зато без боли. Почти.

Я посмотрел на руки и попытался убедить себя в том, что это не руки алкоголика. Ведь они не трясутся. Ведь их так трудно представить сжимающими бутылку. В них гораздо лучше бы смотрелась пушка с приличным обвесом. Да и электронная книга подошла бы. Почти Джеймс Бонд. Только побриться надо.

Нет, пора завязывать с такой работой на дому, а то мерещится всякое. Да ещё странный сон. Будто прицепился. И прицепился в один момент, когда... когда...

Недавно, в общем. Но чёрт знает, когда именно.

Будем считать, что отравился? Договорились?

– Отравление, – произнёс я и удивился охрипшему, будто чужому, голосу. – Отравление. И вполне логичные галлюцинации. Бывает. Это наша реальность. Главное, не делать из неё проблемы. Не заикливаться.

В общем, вернёмся к потере вещдока. Освежим память.

Поначалу дело казалось пустяшным. Кражи экспонатов музея, подделки исторических документов. Ну, кому сейчас это интересно? Археология, какие-то цари, раскопки?

* * *

На стоянке аэропорта нашлось такси.

– Свободен? – бросил я в окно, и, увидев за штурвалом электромеханического болвана, плюхнулся в салон на переднее место. Такие всегда свободны.

В памяти этого не осталось, но, должно быть, мы перебросились с «автопилотом» парой фраз насчёт адреса и стоимости. Отправились в путь.

Я расстегнул плащ. Попросил таксиста не подниматься в воздух. Мы понеслись сквозь огни и блики города, сквозь струи воды и крупные капли дождя. Те пробивали себе путь на влажном и чуть запотевшем стекле.

Создавалось ощущение, что мы плывем внутри странной реки, в которой смешаны темнота и отблески света, призрачные блики, красные, синие и зелёные пятна, искривлённые струи воды. А с бокового стекла устало смотрело моё сероглазое отражение. Куда-то внутрь салона.

Скорее всего, я по пути вздремнул. Машина остановилась, и я обнаружил в лобовом стекле подъезд собственного дома. Робот ждал, когда клиент выйдет из такси, но я сидел на месте. И не зря. Как знал: заверещал мой коммуникатор, закреплённый на безымянном пальце левой руки.

Смекнув, кто звонит, я высунул руку с кольцом-коммуникатором в окно и повернул ладонь так, что голограмма шефа возникла под дождём, перевёрнутая вниз головой.

– Это такая шутка? – Его почти квадратная лысая голова вертелась по сторонам, а озадаченный взгляд скользил по окружающему пространству.

Шеф был немало удивлён ракурсом, в котором мы оба оказались. Я вернул руку в нормальное положение и намекнул начальнику:

– Хотел поинтересоваться, хорошо ли мне спится?

Бесполезно. Шеф, когда на работе, не понимает юмора. Или делает вид, что не понимает.

– Ты не в курсе?

– Чего?

Догадываясь о его ответе, я отодвинул рукой голограмму и выглянул в окно, посмотрел на свой дом. Крыша высотного здания скрывалась в сумраке неба. Где-там моя квартира. Отдых и сон. Надо полагать, моё лицо стало настолько тоскливым, что начальник сжалился:

– Вик, хочешь дам совет?

– Взять отпуск?

– Ещё чего... Ноотрофен. Должен лежать в кармане. Поищи-поищи. Ты брал в оружейке, мне точно известно. Прошло по ведомости.

Известно ему! Шшеффф... Начальник отдела «юридических консультаций».

Почти на самом верху, в области обширной тени, скрывались окна моей квартиры. Рядом не было ни одного огонька, ни одного блика. Нормальные люди сейчас спят. Или там тоже никого.

– Ты за этим звонил?

– Появилась зацепка по делу о кражах в музее. Чего морду воротишь? Забыл про него? Давай, ноги в руки. Пора закрывать висяк.

– Висяк? Шеф, ты о чём? Какой-то безобидный чудак...

Начальник перебил:

– Дело учитывается в статистике. Есть такие галочки, которые влияют на зарплаты. И все галочки в ведомости выглядят одинаково. Короче, его видели на одном концерте.

– И что?

– Перед началом он передал сообщнику большой пакет. Проследить за ним не удалось, но вора нужно брать. Слабак расколется.

– Если есть на чём колоть. Если в музее опять что-то пропало.

– Вик, мы оба знаем, что так и есть, к гадалке не ходи. Так что иди и бери его. Он снова там.

Голограмма исчезла. Тон начальства не оставлял сомнений. Попасть домой опять не судьба. Я вздохнул и полез во внутренний карман плаща. Достал пачку таблеток-капсул.

– Есть чем запить? – спросил робота.

В ответ открылся бардачок. Там оказалась маленькая бутылка с водой. Я взял её. Капсула отправилась по привычному адресу, внутрь организма...

Химия быстро попадёт в кровь и доберётся до сереньких клеток. Хотя неизвестно, какого они уже цвета. Наверное, белые, как таблетки.

Современный ноотрофен гораздо сильнее своего прародителя. От старого только название осталось. Чтобы пугать поменьше народу. Так... обычный ноотроп, разработка столетней давности. Мало кто знает, что это, по сути, военные препараты. Проглотишь таблетку и не спишь неделю реального времени. О пище можно забыть на пару суток, а потом по минимуму, когда на глаза покажется нечто жующееся. Только про питьё нельзя забывать, а то можно словить обезвоживание.

По слухам, большую часть ноотрофена съедали полиция и ЧВК, занимающиеся вопросами внутренней безопасности.¹ Но в любом случае получалось, что по улицам снуют вооруженные люди, которые «не совсем в себе», и которым не мешает, наконец, остановиться.

¹ ЧВК – частные военные компании. По сути, вооружённые банды с официальной лицензией быть над законом

– Жми вперёд. Скажу где свернуть.

Мы тронулись. Я знал куда ехать. Такси не отрывалось от армированного асфальта наземной трассы и следовало в потоке машин, которые тоже куда-то спешили.

Добрались до одного из центральных кварталов, где круглые сутки наблюдалась суета. Все направления, куда ни смотри, были заполнены людскими потоками. Здесь всегда час пик. Он начался когда-то очень давно и не заканчивался. Ни разу. Наверное, потому что в районе смешалось так много: жилые дома, офисы, торговые комплексы и много чего ещё. Бесконечная суета. Люди сновали туда-сюда, ныряя в тёмные переулки и снова показываясь из них. Под чернеющим небом, в бликах лазерных голограмм и огнях неона они выглядели чересчур одинаково.

Интересно, кто из них тоже под ноотрофеном? Если такие и есть, то для них уже я – как серая точка в одноликой массе.

Таксист неожиданно спросил, следует ли включить радио, и я удивился внезапному приступу учтивости робота. Ответил, что радио не нужно. Хватало шелеста дождя.

Остановились. Небольшая пробка. Сверху тоже затор. Вправо не уйти. А пешком далеко будет, придётся подождать...

Тот парень из музея, Эрасмуссен, здорово начудил. Вроде никакой общественной опасности, но факт нарушения налицо. Он преступник? Или некто другой? Я много смеялся, когда начал разбираться в сути дела. С одной стороны, оно было просто смешным, а с другой...

В то время когда над нами сталкиваются поезда, падают самолёты, а на нижнем уровне города орудуют остатки банд, службу юридических консультаций заставляют заниматься галочками – ловить, в общем-то, безобидных людей. Чудаков, а не преступников.

Мы снова тронулись. Я прокручивал в голове историю с кражами из музея. После того как она оказалась более-менее распутанной, мы всем отделом долго смеялись...

Музей располагался на нижнем ярусе города. Частично под «нулём», под землёй. На поверхность выходило только небольшое здание, вход. Фасад с классическими греческими колоннами казался чужеродным среди функциональной мешанины псевдобетона и металлоконструкций. Нулевой ярус являлся основной опорой для всего, что высилось над ним. Кроме огромных стоп города здесь мало что попадалось.

Довольно глухое место для культурного заведения. Хотя, это объяснимо. Музей состоял на попечении ассоциации налогоплательщиков, а не бизнеса.²

Запасники музея уходили глубоко под землю. Причём именно на них тратились основные средства спонсора. Ведь в целях безопасности экспонатов на витринах выставлялись копии, а реальные артефакты прятались в запасниках. Не от посетителей, а от вандалов и грабителей, конечно.

Поначалу пропажи выглядели странными. Ничто не всплывало на подпольном рынке. Ни в галереях, ни у коллекционеров. Информаторы молчали. Предметы бесследно терялись. Уходили в никуда.

Да и, как потом выяснилось, не всё сводилось к кражам. Некоторые экспонаты возвращались в музей... в немного «отредактированном» виде.

Вроде бы вандализм? Статья? Вот только директор музея, когда дело стало проясняться, попытался забрать заявление и попробовал остановить расследование. Зато мой шеф

² К середине XXI века государство выродилось в ассоциацию налогоплательщиков. Полиция затерялась в ряду ЧВК, а прокуратура съёжилась до некоего «бюро надзора». Теперь все они работают на контрактах у тех, кто стал наиболее успешен в деле концентрации капитала. Конечно, это не выкидыш государства (ассоциация налогоплательщиков). Мир воплощённого киберпанка принадлежит корпорациям, поскольку концентрация капитала – это концентрация власти. Политическая власть нужна корпорациям для повышения эффективности управления капиталом

отказался понимать неожиданные действия директора и поставил галочку в каком-то списке. Делу дали ход. Босс уже видел его раскрытым, и рассчитывал натравить меня на него...

Помню, тогда я только вышел из офиса. Ещё одна ночь на работе подошла к концу.

На улице начинало «светать», сквозь завесу тяжёлых облаков и серо-металлических туч проглядывали слабые лучи солнца. Даже дождь закончился. Люди шли на работу, а я собирался домой. Впрочем, в толпе можно было встретить и похожих на меня личностей с красным воспалённым взглядом. Страшно хотелось спать. Вид солнечных лучей только усиливал неприятные ощущения, картинка перед глазами становилась слишком контрастной.

Под ногами хлюпали высыхающие лужи, и в воздух поднималась испарина. Неоновые вывески и голограммы потеряли свой блеск. А мне приходилось идти против течения серой реки из человеческих тел. Я упрямо шёл вперед, но силы словно покидали меня.захотелось выхватить пистолет и...

В этот момент мне позвонили. Оказалось, шеф дал мой номер директору музея. Обычно заказчик (он же подозреваемый) ничего не знает о сыскарях, которые работают «на земле», но здесь шеф решил разгрузить себя. Я принял вызов и остановился в толпе.

Это был голос потерянного человека. Даже не вникая в смысл слов, можно было понять, что он не знает, что делать. Из музея украли около четырёхсот экспонатов. В основном, ритуальные вещи: статуэтки языческих божеств, жертвенные ножи... какой-то осколок лезвия томагавка, раздробленное топориче со следами крови убитого врага, украшения, размалёванные черепки и так далее. Но это не всё. Часть экспонатов, по мнению музейщика, после кражи вернулась обратно в запасники. В несколько изменённом, подправленном виде.

«Как?» – кажется, спросил я.

«Переговорим с глазу на глаз», – помнится, ответил директор.

Договорились о встрече в музее. Я поймал такси-спинер³ и проехал до нулевого уровня. По пути отметил, что на нулевом ярусе обычные граждане нечастые посетители. Скорее, как гости. Да и нечего там делать. В основном, попадалась инженерная служба машин и полицейские патрули. Люди, обслуживающие роботов, и охрана техники. Все наперечёт. Ясно, что украсть в такой обстановке непросто.

Музей охранялся. У входа стояли рамки раздевающих сканеров – ничего не пронести и не вынести. Наряду с обычными охранниками использовались робокопы. Значит, «договориться» или «хакнуть» смешанную охрану трудно.

Спускаясь по мраморной лестнице и оглядывая коридоры с зеркальными стенами, я удостоверился в том, что здание нашпиговано охранными системами. Все пути под контролем камер и детекторов. Вывод напрашивался сам собой. Крадёт кто-то из своих. Возможно, это и заставляло директора вести себя странновато.

Он шёл мне навстречу.

– Виктор? Это вы? – спросил музейщик.

– Да.

– Очень приятно.

– Взаимно.

Мы молча прошли в его кабинет. За мной закрылись резные дубовые двери. Обстановка в кабинете оказалась под стать музейной. Красные ковры, гобелены, статуи из разных эпох под мрамор. Бюсты. Показалось даже, что один бюст напоминает самого директора. Такой же лысый. Алебастрово-бледный. С круглым, похожим на картошку, лицом. Выпученные глаза.

³ Спинер – вид автоаэротранспорта, впервые представленный в классическом фильме «Бегущий по лезвию» 1982 г. Напоминает обычный ретро-автомобиль конца прошлого века

Приглядевшись, я прочитал на бюсте про некоего главу Франции. И что-то ещё. Высокопарные титулы и годы жизни. Порядковый номер давно умершего забытого правителя.

Мы сели. Он за свой стол, а я на стул по другую сторону стола. Директор некоторое время молчал, пребывая внутри собственных размышлений, и выглядел подавлено.

Мне захотелось подбодрить его:

– Знаете, такие дела обычно просты. Как бы всё ни произошло на самом деле, конец один. Что-нибудь всплывёт на чёрном рынке. Проявятся коллекционеры. Собственно, мы их и так знаем. Можно начинать с...

Директор исподлобья посмотрел на меня, но потом вздохнул и сменил гнев на милость:

– Вряд ли будет так просто. Украдено много. И кражи начались давно.

– Вы знали об этом?

Музейщик усмехнулся:

– Признаюсь, готов подозревать себя.

– Даже так? – Кажется, в этот момент я закурил. Странноватый мужик. Себя подозревает. Сидит среди каменных истуканов, глубоко под землёй.

– Молодой человек, – выдохнул он. – Исчезали те предметы, которые не интересуют коллекционеров. Ни одна витрина не ограблена...

Конечно, ведь на витринах подделки.

– ... но и те оригиналы, что были похищены, вновь вернулись в запасники. Не ясна мотивация этих... злоумышленников. Непонятно, чего они добивались.

– Интересно. Продолжайте.

Директор, глядя на меня, тоже взялся за сигарету. Но лишь повертел её у носа, вдохнув запах табака. Я предложил ему зажигалку, и директор отказался.

– Бесследно исчезли предметы культа... ну, или как мы их понимаем.

– В смысле?

– Кому сейчас может понадобится гирлянда медвежьих когтей с парой коренных зубов кабана на трухлявой верёвочке? Никому. Они были нужны только тем язычникам, кельтам. У вас есть знакомый кельт? На работе? Скажем, в вашей «МаКо»?⁴

– Хм... нет.

– У меня тоже.

Мы немного помолчали. Затем директор сообщил:

– Всё продолжалось довольно долго. Лет... десять.

– Это серьёзно. А с чего началось?

– С того, что я месяца два назад решил поучаствовать в ревизии хранилищ. Сотрудники, обычно отвечавшие за них... в общем, один ушёл в отпуск. Другой улетел в командировку. И у меня выдалось свободное время, захотелось увидеть собственные... «сокровища», пощупать выпавшие кабаньи резцы с клыками. Сушёные трупки и шкурки, – в его голосе сквозил сарказм.

– Однако, увидели эти «артефакты» только в списках...

⁴ «МаКо» – крупнейший работодатель мира и Парижа-3. Как и десяток других по-настоящему крупных корпораций, она имеет признаки государства. «МаКо» представляет собой экстерриториальную и одновременно обособленную социально-экономическую систему, куда входят разные предприятия – клиники, магазины, торговые сети, рестораны, банки, юридические службы, телекоммуникации, производства, спортивные команды, охранные предприятия и даже военные компании. Всё это держится вместе на организации системы скидок. Если ты предпочитаешь одеваться от «МаКо», ужинать или лечиться в её заведениях, то тебе автоматически предоставляются скидки в других дочках корпорации. В принципе, удобно. Особенно, если работаешь в одном из подразделений «МаКо». Всё честно. Корпорация идёт навстречу в одном вопросе, и она вправе рассчитывать на взаимность в чём-то другом. Такой порядок оправдывает себя с точки зрения бизнеса и клиента. Жизнь в современном мегаполисе – как своеобразный кредитный контракт. Ядро «МаКо» – банки. Они ссужают виртуальные деньги со скидками, если клиент обязывается тратиться в других предприятиях системы, и может быть интересен ей в каких-то совместных проектах. Грань между зарплатой и кредитом стирается

– И да, и нет. Такое впечатление, что списки несколько раз правили. Вычеркивали экспонаты и вновь вносили. Меняли записи.

– Подождите. У вас электронные каталоги?

– Нет, – он застенчиво улыбнулся. – У нас же музей. Мы предпочитаем бумагу.

Я кивнул:

– Поэтому и заметили кражу. С электронными каталогами всё бы прошло.

Директор, похоже, со мной согласился и, наконец, закурил.

– А почему десять лет? – спросил я.

– Странности в списках начинаются с того времени.

– Что... необычного случилось тогда? Кто-то уволился? Или приняли в штат?

– Я пытался разобраться. Была текучка кадров. Ничего не ясно.

– У вас есть подозрения?

– Да, я тоже считаю, что «вор» из своих.

– И?

– Да те же люди, которые отвечали за ревизию запасников.

– А почерк? Как правились записи?

– Невозможно. Правки вносились специальным механическим устройством, – он задумался. – Печатной машинкой.

– Даже так... Но ведь это прекрасно!

– Почему?

– У механики есть свой почерк. По следам можно определить, какая из них печатала.

Сколько их у вас?

Директор сосчитал все. И свою в том числе. Вышло пятнадцать. Включая один экспонат.

– А какие стоят в запасниках?

– Две. На них и ведётся учёт. Идёмте.

Мы спустились в запасники. Они представляли собой многоуровневые подземные помещения, огромные залы со стеллажами, в которых находились однотипные пронумерованные ящики. Ощущение было непередаваемым. Пространство заполняли массивные тени и теряющиеся в темноте высокие колонны-стеллажи. Директор не включал освещение на полную и старался не шуметь, передвигался почти на цыпочках.

Кого он боялся? Везде активная и пассивная защита, камеры слежения, сигнализация, металлические двери...

– Что, за десять лет система ни разу не сработала? – тихо спросил я, осматривая строи стеллажей, каждый из которых был на сигнализации.

– Нет. Единственное... один раз удалось зафиксировать следы взлома электронных систем.

– Хакеры?

– Мои сотрудники, я знаю точно, не обладают подобными навыками.

– Это не аргумент. На рынке есть полностью автоматические пакеты. Жмёшь на кнопку, и готово. Вы сказали, защита сработала один раз?

– Да. Но я не понимаю, зачем это было сделано. Если действуют свои, то они могут отключать слежение.

– В каких случаях?

– Пойдёмте дальше.

Мы прошли вглубь подвала-хранилища. С помощью голосовой команды директор прибавил-таки освещения. Тени ушли в дальние углы и затаились там. Он показал мне стол. Деревянный стол с настоящими бумажными документами, с целыми папками документов.

Там же был деревянный стул и механическая печатная машинка. Рабочее место. Оно же предмет истории.

К столу тянулся оптический кабель с портом, который нужно присоединять к информационному устройству. То есть беспроводной сети не было, что означало трудности для скрытого удалённого взлома.

Кроме того, на стене рядом висел старый-старый рубильник. Директор кивнул в его сторону, и я чуть не расхохотался. Вся современная система слежения выключалась простым рубильником, который тоже можно было считать экспонатом!

Символично. Будущее, которое в результате шутки или злого умысла... или чего-то непонятого оказалось полностью завязанным на архаичное прошлое. И буквально «отрубалось» им.

– Чьё место?

– Чаще всех сюда заходит научный сотрудник Саххет. Но у него есть рабочие места и в других залах.

– Другие сотрудники тоже... сюда «заглядывают»?

– Реже. У нас специализация по эпохам, но по факту все занимаются всем.

– Почему вы привели меня именно сюда?

– С этого места можно отключать сигнализацию через порт, – он загибал пальцы. – Здесь рубильник. Отсюда исчезло большинство экспонатов.

Я не удержался и глубоко вздохнул:

– У экспонатов есть нечто общее?

Директор задумался, жестом пригласил подойти к ближайшему стеллажу, а сам выключил сигнализацию с помощью рубильника. Свет вокруг исчез.

Музейщик включил портативный фонарик и приблизился ко мне, открыл один из сейфов в шкафу. Выдвинул из темноты ящик и осветил в него.

«Экспонаты» лежали вперемешку, без всякого порядка. Директор запустил руку поглубже, в мешанину деревянных и костяных обломков, тряпья и откровенной трухи. Извлёк со дна толстую кипу бумажных листов.

– Что это?

– Реальные экспонаты постепенно заменялись пустой бумагой.

– Без записей?

– Бумага снизу, чтобы не было заметно потери объёма внутри ящика... В каком-то смысле бумага тоже экспонат, – добавил в сторону музейщик.

Надо же, он сам почти смеётся над своими «сокровищами». Если у человека бардак в голове, то он будет и вокруг. Хотя, возможно, его выводила из себя ситуация.

– Не знаю... мне показалось, – я попробовал обобщить ощущения, – тут должны работать настоящие фанаты своего дела. Как может профессионал так обращаться с предметами истории?

– Я сам не понимаю, – директор только развёл руками.

– Сюда часто ходят люди? Посторонние?

– Никогда... Очень редко.

– А подробнее?

– Ну, вот... около полугода назад, если не изменяет память, я показывал... да, именно этот ящик одной экскурсии. Тогда и заметил впервые бумагу, но... не придумал значения. Посчитал, что Саххет придумал такой способ сохранения экспонатов. Вроде импровизации. Бумага поглощает влагу, или что-то в этом роде.

– Поглощает? Хм... Разве что вместе с экспонатами... Так какая делегация?

– Электронный журнал. Они делали исторический очерк.

Я усмехнулся:

– Интересно, о чём?
– Культура язычества. О понимании времени у древних. О цикличности и повторах в истории... Оказывается, они думали, что время представляет собой круг. Представляете? Как времена года. Абсолютного времени не существовало.

– И сколько страниц?

– Что?

– Сколько веков охватывает культура язычества?

– Это не века, а тысячелетия, – показалось, директор смутился. – С момента появления человека разумного до христианства. И позже. Христианство не сразу победило языческие культы. Десятки тысяч лет, точно не известно. Мы более-менее знаем, когда исчезли последние общины язычников, а уж когда они появились... О том времени мы ничего не знаем.

– Язычество охватывает большую часть истории человечества?

– Десятки тысяч лет. Но некоторые считают, что сроки нужно пересматривать в сторону многократного увеличения.

– И сколько журнальных страниц занял очерк? Пять-шесть?

Директор ответил с раздражением:

– Причём здесь это?

– Ладно, – я предложил перемирие. – Но всё же... Что общего в украденных экспонатах?

– Толком неясно, – директор направился к выходу, а я последовал за ним. – Предположительно, большинство – предметы культа земли.

«Опять. И здесь эта Земля», – мелькнуло в голове. Чёртовы экологи кричат о ней на каждом углу.⁵

Я отметил это как версию. Слабенькую, предварительную, но всё же...

Мы вернулись в его кабинет и расположились так же, как и сидели до похода в подземелья. Иными словами, мало что поменялось, прежде всего, в качестве информации по делу. Мы увидели много, но почти ничего не узнали. Такое случается.

– А вот эти предметы культа... – продолжил я прерванный разговор. – Как можно понять, что перед тобой именно они?

– Они иррациональны.

– Не понимаю.

Директор выдохнул что-то вроде «я тоже». Извлёк из кармана пачку сигарет, но затем предложил другой вариант продолжения разговора:

– Выпьете?

Я согласился. Музейщик достал из ящиков стола два бокала и бутылку вина. Затем бросил на меня короткий взгляд и добавил бутылку виски.

– Вино примечательное. Я его недавно обнаружил, когда разбирал сейф предыдущего директора. Полвека лежало. Но есть виски. Коньяк. Они... посвежее.

– Раз мы в историческом месте, прикоснёмся к истории.

– Попробуем её на вкус, – произнёс музейщик голосом заговорщика и подмигнул мне. Распечатал бутылку.

– Давно вы за главного? – спросил я, глядя на то, как мужчина осторожен с бутылкой.

– Лет пятнадцать. Ему было под восемьдесят. Не доработал до пенсии всего месяц.

– Кто?

⁵ Одним из вариантов непрямого управления геодемографией, георхитектурой и геоэкономикой стали экологические организации. Они решают, где и как строить/сносить заводы, инфраструктуру. К ним можно отнести и небезызвестную организацию экофашистов «KYSN» (kill yourself, save nature), которая оплачивает самоубийства. Чаще всего экофашисты представляют собой квазирелигиозные неязыческие движения, выступающие против технического и социального прогресса

– Предыдущий директор.

Он разлил по стакану.

– Что с ним случилось?

– Скоропостижная смерть. На выходе из музея. Ступил за порог и...

– Сердце?

– Оно самое. Я занял его место.

– Не знал, что от этого ещё умирают.

Директор поднёс свой бокал к лицу и вдохнул аромат вина. Я последовал примеру.

– Он был... старой закалки, что ли. Не признавал новых... игрушек. Но время-то идёт, – он сделал небольшой глоток, смакуя его.

Мы отпили примерно по половине налитого.

– Ничего так, – неосторожно произнёс я, но, заметив обиженный взгляд директора, поспешил продолжить фразу. – Мне не с чем сравнивать. Вина не пил целую жизнь. Предпочитаю виски и коньяк.

Мужчина принял извинения и освежил мой бокал.

– Так что там с культом? – спросил я.

– А?.. Они... бессмысленны. Не имеют значения. Для нас.

– Это трудно понять.

– Допустим, перед вами черепок. Глиняный. На нём раскраска. Какой-нибудь орнамент. Вы не можете сказать, что он означает. Может быть, мы видим простое украшение предмета быта, а может, посвящение божеству. Это знали лишь те, кого давно нет. Да и – встретить мы их – они бы нам не сказали.

– Почему?

– Мы чужаки, а у них родо-племенной строй. Замкнутый на себе. Всё имело значение только в смысле данных связей. Культ предков, покровителей рода, природных духов. Вы слышали?

– Что?

– При-родных духов. Тех, что при роде... Извините, под вино только конфеты, – директор порылся по ящикам. – Надо же, вызвал гостя и забыл обновить... личные закрома.

– Ничего.

– Теперь... для нас это только слова. А они жили внутри этого. Не отстраняясь. Не сомневаясь. Не пытаясь взглянуть со стороны. Не понимая.

Мы выпили ещё.

– Интересно, какими они были, – выговорил я, ощущая, как начинает действовать алкоголь.

– Никто не знает. Это было... пробуждение человечества. Как весна после зимнего сна. Нам не вернуться туда... Наверное, и не стоит пытаться.

– Всё, что осталось, непонятно, – я медленно произнёс в потолок.

– Неинтересно. Такая древность на периферии внимания, – его лицо покраснелось.

– Сколько могло стоять украденное?

– В нашем времени – нисколько.

– А в их?

Он посмотрел на меня так, что я понял: вопрос не имеет смысла.

– Что, если бы мы могли познакомить их с письменностью? – Мне показалось, что я задал умный вопрос.

– С книгами?

– Да.

– Они бы... – он прыснул от смеха. – Они бы... бросили в нас топором.

Его тело содрогнулось в приступе хохота: «Томагавком, представляете?.. А потом бы сделали... из нас кожаные амулеты».

Его безудержный смех заразил и меня: «И мы бы встретились тут, в музее».

Через полминуты директор смог более-менее внятно произнести:

– Из книги легко вырвать страницу. Переписать, – он стал загибать пальцы. – Подправить. Оболгать. Украсть. Знание, доверенное бумаге, уже наполовину украдено... Ис... испорчено. Исушено. Так же как здешние мумии, – он посмотрел на меня довольно жёстким взглядом, но быстро смягчил его и улыбнулся. – Вы понимаете? Бумага это не человеческое сознание. Оно живёт по-другому.

Я поймал себя на мысли, что размышляю над тем, была ли пауза между частицей «не» и словом «человеческое».

Голова туго соображала. Наконец, я сдался и кивнул. От всего сказанного осталось только ощущение, будто на какое-то мгновение меня коснулось... понимание, что ли. Но оно куда-то исчезло.

Голову мутило.

Теперь можно сворачиваться. Больше ничего конкретного не будет. Последнее, что было сказано мной по существу, звучало так:

– Приедет команда. Она заберёт печатные машинки с описями экспонатов на экспертизу и... Подготовьте справку. Хотя бы грубо... надо оценить – кто из сотрудников сколько времени проводит в помещениях с той или иной машиной.

– Печатной?

– Разумеется.

Мы прихлопнули бутылку, разговаривая об истории. О фактах и интерпретациях. Директор вёл себя достаточно откровенно. Выяснилось, что он, имея в хозяйстве целый музей, знает об истории немногим больше моего. Все эти вещи, артефакты, вырваны из своего времени. Рядом нет реальных людей, которым они нужны, которые верят и следуют традициям.

Возникало странное чувство, будто меня провели по рассыпающейся в труху массе истории, украденной и ветшающей – в темноте подземелий, в тишине и одиночестве. С номерками. Каталоги и хранилища больше походили на усыпальницы.

Директор сознался в плохом мнении об учебниках истории: мол, это «интерпретации и натяжки». «Колосс из археологических находок, но любой ветер клонит его свою сторону». «Большинство находок не несёт смысловой нагрузки, не служит подтверждением или опровержением принятой версии истории». То есть археологические данные – не информация, а просто как шум. Не более. Будто они с одной планеты, а наши измышления с другой. И эти «штуковины» не соотносятся друг с другом. «Кто знает, может, и нет никакой истории. По крайней мере, в том виде, в каком её рисуют люди».

Мы распрощались, а я, порядком озадаченный откровениями директора, покинул храм истории. Через день меня проинформировали о результатах экспертизы почерка печатных машинок. Помнится, информация опять застала меня по пути домой.

* * *

Хотя нет. Вначале пришла дополнительная информация. По поводу экспонатов, которые возвращалась в музей после краж.

Директор прислал подробный список артефактов «на подозрении», и ещё один обобщённый, где они были сгруппированы по характерным признакам.

Пробежавшись по голограмме коммуникатора, я понял, что ничего не понял. Информация была странной, в ней скрывался некий смысл, но он ускользал от сознания.

Логические выводы граничили с абсурдом. Получалось, что в отдел кельтской культуры оказались помещены предметы явно из других времени и мест. «Подправленные». Директор установил это по каким-то очевидным для себя признакам.

«В рамках здравого смысла», – как он выразился.

Я раз за разом просматривал список, выделяя помещённые в чужую, языческую эпоху экспонаты:

- кости и черепа переходных форм от обезьяны к человеку, со следами порезов, нанесённых металлическими орудиями;
- гипсовые слепки отпечатков ног первобытных людей, оставленные в геологических слоях тех времён, когда людей современного анатомического типа не должно было существовать;
- черепа давно вымерших обезьян с пулевыми отверстиями;
- серебряные и медные монеты, прошедшие промышленную прокатку;
- каменные и металлические орудия, найденные в невероятно древних геологических породах, например, наконечники арбалетных стрел;
- свидетельства наличия технической цивилизации – чуть тронутые ржавчиной болты, винты, гвозди, аккумуляторная батарея и предмет, который мог служить лампой накаливания;
- якобы обнаруженные в древних слоях стеклянные колбы, похожие на алхимическое оборудование;
- изображённые на архаичных черепках календари, идентичные средневековым картам неба;
- извлечённые из реальных исторических памятников каменные блоки, внутри которых обнаружены волосы, похожие на человеческие;
- гранитный блок, в срезе которого видна древесная лягушка и маленький паучок неизвестного науке вида, непонятно каким образом оказавшийся в ловушке внутри камня;
- извлечённый из реальных исторических памятников каменный блок, внутри которого обнаружена ветка вишни с её цветами;
- глиняные таблички с билингвистическими текстами, где приводится один и тот же текст на двух языках, например, на одном давно вымершем и одном относительно современном.

Повеселило упоминание об исчезнувшей пробе колумбийского кокаина, найденной в гробнице египетского фараона. Если бы у нас ещё работал отдел наркоты, то можно было спихнуть дело им! Вот только отдел давно распущен.

Итак, всего до двух тысяч подправленных экспонатов, против четырёхсот исчезнувших. Может, эти четыреста сейчас находятся на «реставрации» и будут возвращены обратно? Что, если воры не крали историю, а пытались... изменить её? Но кому сейчас нужна настолько древняя история – все эти кости с отпечатками ног неизвестно кого? Может, паранойя директора? Впору задуматься о действии секты или фанатиков лженауки.

Мне вспомнился случай за прошлый год. Километрах в тридцати за стеной города, в месте, которое почти не затапливается приливами сезонного моря, обнаружили тело неизвестного. Установить личность не вышло, что уже странно для нашего электронного века. В общем, лежал на дне вырытой в лигнине ямы, в воде.⁶

Рядом из слоя породы торчали старые кости. Не его, конечно. Более старые. Смерть признали естественной. Поскольку было сразу ясно, что «галочки» в ведомости не получится, случай не регистрировали. То есть ничего не было. Никого не убивали. От тела избавились. Ведь за ним никто не пришёл. Вот только какого черта он там делал? Откапывал

⁶ Лигнин – обычно весьма древний геологический слой. Глинистый и податливый

кости или наоборот... закапывал их, чтобы потом сказать, будто обнаружил их в доисторическом слое?

«Секта неоязычников? Экологи?» – Мне вспомнилась та версия, что пришла в голову при разговоре с музейщиком.

Затем мы начали копать насчёт того, могли ли засветиться сотрудники музея среди неформалов. Точнее, мы отправили запрос в Облако.⁷

Оно и раскрыло дело. Когда электронка выдала ответ, то мы долго смеялись. Всё сошлось! Оказалось, что двое сотрудников музея, Саххет и Эрасмуссен, являются членами организации «Весна человечества», в неявной форме упомянутой проговорившимся директором.

Если верить информации с их официальной странички, организация ставила перед собой чисто познавательные цели: этнография, культурное многообразие, восстановление утраченных знаний о каких-то сущностях, тайных обрядах и так далее. На самом деле «Весна» представляла собой сообщество вполне реальных неоязычников, среди которых преобладали два культа: матери-земли и огня.

Напрашивался простой вывод, и он же прямой путь к заветной галочке. Те двое крали экспонаты, чтобы осуществлять свои ритуалы. Немного потасканные предметы возвращались обратно. Кельтское происхождение артефактов, видимо, устраивало придурков. Наверняка кельты тоже жгли костры. Поклонялись природе. Ведь кроме неё вокруг кельтов ничего не было. Интересно, что духовный лидер организации – не помню клички – объявил себя потомком индейцев.

Анализ почерка печатных машинок показал, что парни не утруждались замечать следы. Правки в списки экспонатов вносились с их машинок, на которых обнаружились отпечатки пальцев только двух человек. Дело было раскрыто.

Тем не менее, прямой путь к галочке не состоялся. По непонятным причинам шеф проявил принципиальность и приказал копать дальше. На тот момент подозрения директора по поводу «правок» экспонатов не подтверждались доказательствами. Ведь точных описаний исходного вида предметов не было, а их перемещения из отдела одной эпохи в другую могли объясняться путаницей и личным мнением директора. Его сомнениями. «Корректировка» артефактов и их возвращение в музей оставались на уровне версии, которая была подброшена немного странным человеком. Учёным-гуманитарием, что терял веру в своё дело.

Мы напрягли сеть информаторов, и та дала результат – оказалось, Эрасмуссен имел контакты ещё и с криптофанатиками.⁸ Не знаю, какие именно цели они преследовали, но сквозь всю историю проходило нечто внерациональное, нелогичное.

⁷ Сеть облачных сервисов, обслуживающих Париж-3. Облачные технологии уже более пятидесяти лет (с конца 2000-х годов) доминируют в электронных средах. В начале работ над прототипом интегрированной облачной системы её в шутку называли Матрицей. «Облачная» или «рассеянная» обработка данных – формулировка, хорошо описывающая положение дел. Пользователь облачных сервисов не видит их реальной инфраструктуры, не следит за процессами обработки данных. Они как бы скрыты в тумане Облака – в сетевой и наполовину реальной среде, в которой смешаны реальные компьютеры и виртуальные серверы. В конце концов, далеко не всем нужно понимание технических деталей, вычисления могут быть слишком сложными, и понимать их большинство не в состоянии. Пользователь просто ставит задачу и хочет получить ответ. Это так по-человечески: хотеть жить удобнее, передавая бремя ответственности кому-то другому. Решение проблем появляется как бы из ниоткуда. При решении сложных задач обработка данных с помощью сетевых ресурсов, а не персональных компьютеров, более практична. Ведь личная дорогостоящая машина загружается на полную мощность изредка. В этом случае проще довериться специализированной среде, загрузить в неё данные, отобразить свои желания, и электронный потусторонний волшебник исполнит их. Облачный сервис – обобществленный полуреальный компьютер – распределяет запросы клиентов и вычисления по своим частям, по реальным машинам, расположенным в разных уголках Парижа-3, и по виртуальным. С помощью виртуальных компьютеров сглаживается неравномерность запросов клиентов. А им не очень-то интересно, что именно работает: реальное «железо» или нет. Дело в потоке сигналов, в строчках нулей и единиц. Реальные и виртуальные элементы существуют вместе, равноценно

⁸ Асоциальная группа, специализирующаяся на взломах электронных текстов: рекламы, новостных потоков, подделке документов, в основном, электронных. Предположительно, их проделки не вызваны корыстными целями. Вероятно, группа

У криптофанатиков также водились собственные сетевые странички с малопонятным и уж больно концептуальным содержанием. Вот характерная запись, оставленная Эрасмуссеном на их форуме: «Я не стану скрывать, как пришёл к ведическому пониманию истории. Лет десять назад мне доводилось много ездить по раскопкам. Во время одной экспедиции мы с помощью георадара нашли засыпанную песком, перевёрнутую, индейскую пирамиду. Раскопали её, и нашли вход. Хотелось найти золото. Украшения, монеты. Мы сломали печати и прошли тёмными лабиринтами до центральной камеры. Но там было пусто. Только сумрак и исписанные непонятными символами стены. Лишь на гранитной поверхности жертвенника лежал маленький венок цветов. Скромный, совсем небольшой. Он выглядел так, будто его оставили здесь полчаса назад. Не больше. Можно было подумать на грабителей, но следов взлома и грабежа не было. Да и где в той пустыне найдёшь цветы? Я всё смотрел на венок, смотрел, как полевые цветы, будто сорванные несколько минут назад, увядают на глазах. Войдя в пирамиду, мы впустили в неё своё время. Атмосфера, что сохраняла венок, исчезла, и цветы на глазах превратились в труху. Тогда я понял, что история живёт иначе, чем представляют рационалисты. Весна это правильный шаг, но нужно идти дальше».⁹

Интересно, куда? Мне захотелось найти романтика и уточнить.

Чудаки. Прямого ущерба не наносят, особенно если сравнить с настоящими террористами, что взрывают поезда.

Учёные странноватые люди, особенно, гуманитарии. Должно быть, снижение финансирования привело к вымыванию кадров. В результате в профессии остались люди не от мира сего...

На коммуникатор прислали ещё один файл, сведения о вероятном участии Эрасмуссена в давнем деле, имевшем определённый резонанс. Парень с похожей внешностью мелькал на кадрах любительского фильма в жанре исторического расследования. Вкратце – они в запасниках одного африканского музея обнаружили осколки обличовки, сбитой с египетских пирамид во время похода Наполеона. Причём на осколках просматривались вырезанные символы в стиле арабской вязи. По мысли «народных историков», это ставило под сомнение принятую сейчас хронологию исторических событий. Либо египетские пирамиды не настолько древние, либо арабская цивилизация многократно древнее, чем принято считать. Чудаки, одним словом.

Затем шеф дал наводку на Эрасмуссена. Тот как раз направлялся на концерт. Вероятно, там под гитарный грохот он должен был с кем-то пересечься. А у меня уже имелся приказ брать ботаника и колоть его.

* * *

Я приближался к району развлечений, сверяясь с данными коммуникатора. Прибор изредка включал голограмму местности, которая показывала координаты Эрасмуссена на карте. После установления визуального контакта я совсем успокоился – теперь тот никуда не денется. Он в одиночестве следовал по улице в направлении концертного зала, по пути осматривая квартал... С подозрительным пакетом под мышкой.

У меня же появилась возможность поглазеть на квартал. Давно сюда не заходил.

Люди здесь жили в особом ритме. Тут не было деления на день и ночь. Район полностью накрывался козырьком из специальных панелей с изменяемой прозрачностью. Таким

не получает доходов от своей «деятельности», а существует как полигон для проверки и обучения кадров криминальных структур

⁹ Похожая история, действительно имевшая место, описана в книге В. Бацалева и А. Варакина «Тайны археологии. Радость и проклятие великих открытий». Она издана в прошлом веке

образом регулировалась освещённость улиц – поскольку огни рекламы обретают свой блеск только при отсутствии солнечных лучей. Это же помогало деформировать ощущение времени у людей. Смонтированные на высоких шпилях затеняющие панели при взгляде снизу походила на паутину. Конструкция так и называлась – паутина.

Местность затемнялась для создания особой атмосферы в масштабе целого квартала. В том числе поэтому комплекс развлечений располагался практически на окраине. На самом верхнем ярусе и у стены города, за которой разливалось сезонное море. Часть зданий упиралась в высоченную городскую стену. Стена с козырьком создавала эффект колодца, стабилизируя параметры местной погоды.

Паутина даже могла пропускать немного дождя во время специальных акций, а также создавать замысловатые рисунки из теней и света на тротуарах.

Клубы, казино, рестораны и другие заведения были сгруппированы в виде огромных зданий. Чаще всего они имели форму больших океанских кораблей. Создавалось впечатление, что они плывут в человеческом море, окружённые собственным блеском, в тени огромной полупрозрачной паутины.

На десятиметровой высоте располагались магнитные пути, по которым двигались маленькие пассажирские вагончики. Они служили для перемещения людей из одного здания в другое. Пути группировались пучками в три-четыре яруса, а уже над ними высились огороженные силовыми перилами трассы, где разрешались полеты автотранспорта.

Непосредственно по улицам и тротуарам могли двигаться только такси данного района, принадлежавшие участникам рынка развлечений.

Я следовал сквозь относительно тихий уютный парк с символическими лужайками и декоративными деревьями. На скамейках и просто на траве отдыхали те, кто понял, что пора освежиться. По периметру парка работали акустические барьеры, создававшие внутри приятную тишину. Люди получали возможность отдохнуть от круговорота света и теней, от громкой музыки и друг от друга. В парке даже пели редкие птички. Не знаю, настоящие или нет.

Мой учёный добрался до наиболее шумной части района. Пришлось ускорить шаг, чтобы не потерять ботаника из вида, а квартал пытался отвлечь меня.

Он сверкал гирляндами огней, что были развешаны вдоль нижних этажей зданий. Он манил неоновыми вывесками и лазерными голограммами, что обращались ко мне направленными звуковыми лучами. Повсюду горел сочный, ярко-красный цвет. Над головой, в воздухе, красовались лейблы заведений, прокручивались рекламные ролики.

У каждого здания, в пределах акустического колодца, звучала своя характерная музыка. И в то же время у этих мелодий имелось нечто общее. Индастриал-рок, электронный панк и откровенная попса – всё содержало особую ноту движения. Хотелось идти дальше, открывать, пробовать, не останавливаться. Похожим действием обладали и трудноуловимые запахи, которые незаметно распылялись специальными освежителями.

На настроении людей сказывалось и отсутствие дождя. Здесь не нужно было кутаться и укрываться. Наоборот, люди раскрывались. Женщины могли носить любую одежду и обувь. Даже непрактичную и вызывающую, вплоть до самой откровенной, например, простого сплетения светодиодных нитей, символизирующих небольшой топ.

Район сверкал не только разноцветными огнями – золотистыми, серебристо-белыми, изумрудными – но и человеческими лицами, их глазами. Отовсюду доносились голоса. Район всегда отличался уровнем демократизма, здесь встречались люди почти всех социальных слоёв, разного возраста. Попадались татуированные и шрамированные фрики, и те, кто пришёл на них посмотреть.

Сейчас по кварталу слонялись группы киберпанков в классических кожаных куртках и брюках со встроенными девайсами. Скорее всего, они пришли только на концерт, и плевать хотели на местные попсовые развлечения.

Я подобрался к музейщику на расстояние двадцати метров, когда тот проходил мимо танцовщиц в красных стеклянных боксах. Они вновь отвлекли меня. Фигуристые девчонки ритмично, под музыку, трясли своей аппаратурой.

«А неплохо так... Злачный, но зато и самый человеческий квартал», – подумал я и сосредоточился на объекте слежки.

– Don't walk, don't walk, don't walk, – доносился космополитный электронный голос с перекрёстка передо мной.

Я остановился, заметив, как мой клиент подошёл к парню в рокерской косухе и с причёской-ирокезом. Я мысленно дал ему имя «Панк». Они обменялись характерным рукопожатием, пожав не ладони, а предплечья, ближе к запястью.

Так принято у большинства радикалов. Если не изменяет память, в старые добрые времена, так проверяли, нет ли у брата-язычника, с которым здороваешься, спрятанного в рукаве ножа.

Или томагавка – улица уже пестрела ирокезами.

По перекрёстку проезжали такси, а люди скапливались у светофора. Эрасмуссен отдал Панку пакет, и тот сунул его под косуху. Сам музейщик был одет не по местной погоде. На нём плащ. Как и на мне. Мы были здесь как белые вороны.

Несколько секунд они переговаривались. Панк старался прикрывать рот ладонью, так что прочесть слова по губам или расслышать их было невозможно. Эрасмуссен отвечал односложно. Соглашался?

– Walk now, walk now, walk now, – а вот сейчас светофор произнёс это с французским акцентом.

Мои подопечные направились к концертному залу. Если бы в их руках было что-то сильно незаконное, то наверняка бы разбежались. Так что я расслабился. Вдруг к ним ещё кто-нибудь подойдёт? Тогда можно будет взять всех.

Громада музыкального центра, похожая на птичье гнездо, маячила впереди. Я старался не спускать глаз с парочки. Весь путь они говорили. Жалко, что прослушать их было нереально. Шеф не шевельнул пальцем, чтобы организовать прослушку этих придурков.

Панк периодически оглядывался. Проверая, есть ли слежка? На его фоне Эрасмуссен выглядел человеком попроще.

У входа в зал собралась приличная очередь из неформалов. Большая часть коротала время, раскуривая подозрительные самокрутки. В этом квартале подобное сходило с рук.

«Как он пройдёт с пакетом?» – гадал я, следя за действиями парочки.

Ответ оказался простым: панк провёл Эрасмуссена мимо очереди, они так же по-особому поздоровались с охранниками, и те пропустили внутрь... Знакомство или сильно мохнатая лапа.

Визуальный контакт прервался, но коммуникатор – я на секунду включил голограмму – стабильно фиксировал местоположение историка. Похоже, они медленно продвигались в толпе, которая находилась в зале. Часа два они будут там. Я занял место в очереди и купил через коммуникатор электронный билет. Интересно, что при этом я получил привет от своей «МаКо» – оказалось, что она спонсировала выступление группы, и цена моего билета снизилась наполовину.

Поначалу в толпе неформалов было не по себе, но постепенно отношение к ним изменилось. Изнутри, из толпы, они выглядели лучше. Парни и девчонки оказались вполне дружелюбными. Мы обменялись сигаретами и закурили.

Вскоре со стороны дверей донеслись первые треки. Трансоподобные ритмы и размеренная пульсация от полуэлектронной ударной установки. Очередь оживилась и, как показалось, задвигалась быстрее. На входе меня обыскали, но шнур маскировки сработал, оружие осталось незамеченным. Когда мы прошли внутрь, раздалось низкое тягучее звучание гитар, среднего темпа, похожее на грув-метал.

Я не стал сдавать плащ в гардероб – пусть это будет моим «прикидом». Оказавшись среди бесконечных косух и всевозможных кожанок, уже я выглядел неформалом.

В первую очередь нужно было сходить в туалет, чтобы в спокойной обстановке свертиться с коммуникатором. Моя цель стояла на месте, не так далеко. Я вышел из туалета и начал продвигаться в том направлении. С каждым шагом это давалось труднее, плотность толпы при приближении к сцене повышалась.

Наконец, я увидел их. Плохо, что наши с панком взгляды встретились. Но вроде ничего. Я сделал вид, что осматривал сцену. С неё срывались красные и синие лучи прожекторов, разрезавшие темноту зала. Звучал всё тот же грув-метал.

Постепенно звучание переродилось в сплошной поток гитарных басов и рёва металла, а ритм отошёл на второй план. Судя по всему, здесь собрались фаны «чистого гитарного звука». Или как там у них говорится...

На сцене играли трое гитаристов, за ударной установкой сидела щупленькая девчущка, она не особо усердствовала, поскольку большая часть работы отводилась гитарам. Вдоль сцены, туда-сюда, в каком-то своём конвульсивном танце, мотался солист. Он сжимал в руках стойку микрофона, не забывая удерживать её в стороне от собственных воплей, которые приходились в чернеющий потолок.

Поклонники группы, что находились к ней ближе всего, не сдерживались. По толпе проходили настоящие волны. Создавалось впечатление, что они вызываются ветром, несущимся со сцены.

Музыканты резко оборвали композицию. Но через секунду повисшую было тишину разрезал рёв гитары, похожий рык хищного зверя. Когда он стих, толпа взорвалась уже собственным рёвом.

Я старался не выпускать парочку из виду. При этом внимание по большей части приходилось на приятеля Эрасмуссена. Панк постоянно вертел головой по сторонам, а учёный вел себя спокойнее. С поправкой на обстановку.

Тем временем стартовала следующая композиция... Вероятно. Музыка пока не было, звучал только голос солиста. Африканские косички на голове громилы мотались из стороны в сторону, когда он отрывисто кричал или выбрасывал в толпу собственные вопли:

– Ну вы чё, там, уснули, мать вашу?!

Толпа ответила усиливающимся рёвом.

– А ничё так попёрло?!

Солист призвал зал скандировать вслед за собой:

– Маркс! Анархия! Оуланем!

Громила выкрикнул ещё раз:

– Маркс!

– Анархия! – повторила толпа. – Оуланем!

Затем воздух будто взорвался чем-то похожим на speed-metal. Девчонка за ударной установкой, наконец, взялась за работу, её длинные волосы заметались между барабанами, тарелками и палочками.

В сплошном потоке гитарного рёва и барабанного бита едва различался голос певца. Бредовый в общем-то текст внутри мощного подавляющего звучания, странным образом приобретал если не смысл, то какое-то своё, самоценное значение.

Не осталось ничего, кроме мести!
Я высоко воздвигну престол,
Холодной и ужасной будет вершина.
Основание – суеверная дрожь,
Церемониймейстер – чёрная агония.
Кто посмотрит человеческим взором,
Отвернётся, смертельно побледнев, онемев, ужаснувшись,
Схваченный слепой холодной смертностью.

Затем, вероятно, последовал припев на немного сниженной скорости и с резкими короткими перерывами в звучании гитар.

Адские испарения поднимаются
И наполняют мой мозг,
Пока не сойду с ума
И моё сердце в корне не изменится.
Видишь этот меч?
Князь тьмы продал его мне.

Гитары замолчали, остался только бит ударной установки, да рваный голос.

Ведь Бог вырвал из меня прежнее.
В проклятии и мучении судьбы
Всё светлое исчезло!

Вновь заиграл откровенный speed-metal, когда практически исчезает мелодия, а голос растворяется в потоках и гуле металла.

Теперь я понял,
Что поднимается из моей иссушенной души.
Ясное, как воздух, прочное, как кости...
Оуланем, олицетворённое человечество,
Я могу схватить и раздавить
Силою могучих рук
С яростной силой!
В то время как бездна сияет предо
Мной и тобой в темноте,
Ты провалишься в неё, и я последую за тобой,
Смеясь и шепча на ухо:
«Спускайся со мною, друг!»

И снова припев, с резкими перерывами в звучании гитар.

Адские испарения поднимаются
И наполняют мой мозг,
Пока не сойду с ума
И моё сердце в корне не изменится.
Видишь этот меч?
Князь тьмы продал его мне.

Без какого-либо перерыва зазвучала следующая песня. Тоже speed-metal, ничуть не стесняющийся себя.

Мы те, кем мы станем.
На руинах мира встретим себя настоящих,
Ощутим себя равным Демиургу.

К року у меня был небольшой иммунитет. Его дурман не сразу начинал действовать на меня. Но теперь волна уже поднималась в грудь откуда-то снизу. «Это» уже не пряталась. Не хотело прятаться.

Я обернулся. Если толпа у сцены давно не сдерживалась и откровенно бесновалась, то люди, что стояли подальше, выглядели спокойнее. Они переживали это внутри себя. А оно наконец-то нашло выход, внешне у каждого по-разному. Но на уровне биопсихики всё происходило одинаково. Реакции организма на звук вызывались сочетанием низких частот и определённого ритма. Ускорялась выработка адреналина, снижался уровень рационального восприятия.

И будто внутри человека просыпалось совсем другое существо, ранее усыпленное лукавым шёпотом разума. Оно никогда полностью не исчезало. Зверь дремал, свернувшись калачиком и изредка отрывая затянутые туманом красные глаза. На каком-то глубинном уровне каждый, кто находился в толпе, возвращался к нему и его ощущениям.

Подобные звуки как своеобразный наркотик. Наверное, похожим образом действовали низкие звуки от труб языческих жрецов, вводящих людей в религиозный транс.

Очередная песня закончилась тем же хищным стихающим рёвом гитары, без намёка на мелодию. Просто низкий металлический звук. Только сейчас он не подавлял, а наоборот, раскрывал, выворачивал наизнанку.

Рассчитывая ещё больше завести толпу, солист выкрикнул в микрофон:

- Say «shit»!
- Shit! – ответило множество фанатов.
- Say «fuck»! – повторил певец.
- Fuck! – взревела толпа.

Затем началось соло ударной установки. Гитары и голос молчали. Зрители по примеру фронтмена группы включились в игру отважной барабанщицы, подпрыгивая всей толпой и хлопая в ладоши в нужные моменты.

Внезапно я ощутил на себе чужой пристальный взгляд, посмотрел в ту сторону и заметил, что меня разглядывает панк. Затем он проворно нырнул в толпу, и увидевший это Эрасмуссен попытался задержать приятеля. Я вновь разглядел того за лесом поднятых вверх рук. Они быстро перебросились парой фраз. Расслышать что-либо было нереально: я практически оглох. Панк начал пробиваться к ограждениям сбоку зала. Эрасмуссен следовал за ним, а я стал двигаться параллельным курсом.

Они остановились у ограждения, и панк внезапно ударил музейщика кулаком в горло. Тот сразу упал и исчез на полу. Я рванул туда, а панк перелез через ограждение и, на ходу что-то крикнув охраннику, бросился в закулистье.

Я продрался к Эрасмуссену. Тот держался за горло, пытаясь восстановить дыхание. Он увидел меня и показал в направлении, где скрылся беглец. Говорить он не мог. К парню склонились две девушки из толпы, и я побежал за панком – думать особо было некогда. Панк выглядел куда опаснее. Я перемахнул через заборчик, а перегородившему путь охраннику показал голограмму с коммуникатора – поддельный полицейский значок. И для убедительности пистолет.

Охранник не стал особо сопротивляться, когда я отшвырнул его с пути. Музыка продолжала играть, её было слышно в тёмном коридоре, куда меня завело чутьё. Наверное, если бы я начал стрелять, музыканты бы не остановились.

Навстречу попался какой-то толстяк, я выхватил пистолет и заорал:

– Где он?! Куда побежал?!

– А... – толстяк указал в сторону одной из трёх дверей в конце коридора. Я бросился дальше. Оказалось, повсюду гримёрки. С десяток комнат. Внезапно из конца коридора донёлся сдавленный женский крик. Туда!

Из-за угла вынырнула испуганная девчушка, в откровенном сценическом костюме. Мне удалось поймать её и толкнуть в безопасном направлении.

«Не высовывайся», – прошипел я вслед.

Не знаю, поняла ли она, или только кивнула и побежала прочь.

Я резко вышел за угол. Из темноты впереди раздался выстрел. Я инстинктивно упал и выстрелил в потолок, так, чтобы никого не задеть. Этого хватило, чтобы беглец обнаружил себя и побежал дальше.

– Стой! Стреляю!

Панк остановился на следующем свороте, попытался выстрелить, но пистолет дал осечку. Выругавшись, он бросил оружие и ломанулся за угол. Когда я подбежал туда, то услышал оборвавшийся крик. Издалека? Будто с улицы.

Впереди было открытое окно. Я выглянул наружу.

Пожарная лестница. И тело, лежащее под такси. Но почему так далеко? Почему так быстро?

Как он смог... настолько резво спуститься по лестнице, пробежать по улице и угодить под машину?

Если только не спускался по лестнице «скольжением», как профессиональный пожарник или человек со спецподготовкой.

Или он просто выпрыгнул из окна? Нет, слишком высоко. И далеко. Даже человеку с имплантами не под силу.

Я перелез через окно и дотянулся до лестницы, стал спускаться вниз. И сразу заметил кровавые следы на направляющих лестницы – значит, в них вцепились ладони беглеца, когда тот скользил вниз.

Вокруг тела уже собралась толпа. Робот-таксист с невозмутимым видом смотрел на происходящее и продолжал предлагать свои услуги. Его машина в нарушении протокола съехала с тела. Ну и чёрт с роботом. Разберутся другие.

Прежде всего, я обратил внимание на руки панка. Ладони были в крови, а кожа на внутренней поверхности содрана до костей. Получается, спецподготовка. Но чтобы терпеть такую боль? Сильно не хотелось попадаться. Неужели был под таблетками? Без них не вытерпеть. Даже представить сложно... Ты как можно крепче сжимаешь металлическую полосу, она режет руки до костей, а наружу сам собой рвётся обжигающий вопль... Невозможно. Его короткий оборвавшийся крик донёлся с улицы. Он был от испуга. Когда парень увидел мчащееся такси.

Участок дороги вокруг тела заполнялся лужей крови, но в одном месте она растворяла небольшую горку белого порошка... След от горки тянулся к разорванной косухе.

Курьер?

Если да, то парень носил наркоту в том количестве, что запрещено даже в этом районе. Возможно, сам был под каким-то препаратом, не снижающим концентрации внимания. Такие есть у кого надо. Я наклонился к горке, протянул к ней руку, но вовремя остановился. Пробовать на вкус неизвестно что опасно, лучше доверить это химикам.

Вдруг меня тоже заклинит? Забуду о том, что при спуске с лестницы скольжением нужны защитные перчатки. Панк вот забыл и сиганул вниз на автомате... как учили.

Я обыскал погибшего и не нашёл пакета, который был передан Эрасмуссеном до концерта.

– Чёрт, – почти крикнул я и принялся осматривать округу. Заглянул под машину. Ничего.

– Кто-нибудь видел... При нём был пакет?

Зеваки только развели руками.

Он выкинул его по пути?

Или передал той девчонке, которая вылетела на меня из-за угла. Или толстяку. Или бросил куда-то в угол по пути. Или...

Я только посмотрел на коммуникатор, как тот сам ожил. Передо мной возникла голограмма шефа.

– Допрыгался?

– Я...

– Да всё видел уже. Тут везде камеры. Сейчас оцепят улицу. Покомандуй там, ты за главного.

Краем глаза я заметил приближающиеся патрули, и различил звуки сирен. Наверху, над паутиной, громыхнула гроза. Музыка поблизости стихла, и воздух стал наполняться шелестом дождя, который не долетал до земли...

В общем, мы не нашли ни пакета, ни девушки, ни Эрасмуссена, ни их знакомых охранников концертного зала. Более того, они пропали из системы электронной локации. Облачная система перестала видеть подозреваемых, что могло произойти только, если они попали в серьёзную переделку, например, были раздавлены поездом. Или если подключились солидные люди, чтобы укрыть подозреваемых.

Обескураживало и то, что личность погибшего установить не удалось. Он будто не существовал для системы. Никаких контактов и адресов. «ДНК неизвестного». Непростой парнишка.

Теперь нужно было браться за квартиру Эрасмуссена. Я взял в подмогу патрульную машину и двух подвернувшихся копов. Пустьяковое, на первый взгляд, дело превратилось непонятно во что. И вскоре стало ясно, что оно вышло из-под контроля – на коммуникатор пришло сообщение от шефа: «Мы не можем найти директора музея и второго подозреваемого».

* * *

Эрасмуссен проживал в дешёвой гостинице. По данным, которые ребята отправили на коммуникатор, у него уже лет пять не было собственного дома. Последний продал после пожара.

Невысокое двадцатизэтажное здание находилось в одном из тех глухих районов, где ещё могли жить приличные люди. Над уровнем земли, примерно в середине толщи города. Здесь не светило солнце, но и не наступила полная темнота. Освещение, светодиодные панели под перекрытием яруса, работали в приемлемом режиме. Мой организм, приученный к условиям верхнего уровня, воспринимал местную освещённость так, будто здесь в любое время около одиннадцати часов вечера.

Неизвестные народные художники пытались с помощью граффити превратить псевдобетонный серый свод в голубое небо. Правда, рисунок не удался, краска кое-где отслоилась, обнажив материал, едва не крошащийся из-под нарисованных облаков.

Редкие прохожие старались не встречаться с нами глазами. Машины попадались нечасто. То же касалось рекламных вывесок.

На тёмно-бурых кирпичных стенах домов скопился конденсат. Местами он испарялся, касаясь горячих частей: выведенных наружу систем терморегуляции зданий и допотопных кондиционеров. Воздух казался слишком влажным и немного прохладным. Хотя в целом, ливневая канализация работала удовлетворительно, и большие дыры в перекрытиях на глаза не попадались.

В этом районе атмосферная влага не представляла опасности, поскольку ещё не успела впитать в себя химической грязи по пути сверху вниз.

Здание имело всего один общий подъезд и представляло собой гостиницу. Это последнее место, куда переезжал Эрасмуссен. Мы постарались подъехать как можно тише. Остановились у другого здания и поспешили подойти к гостинице, стараясь держаться теней у стен.

Гостиница сразу показалась если не третьесортной, то такой, какие считают ниже своего достоинства обращаться за присвоением звёзд. Администратор ничуть не смутился с появлением полицейских, видимо, в его заведение те заглядывали часто.

«Эрасмуссен», – коротко спросил я.

Тот посмотрел под край своей стойки и ответил: «У себя. Он был один».

«Как давно?»

«Полчаса или около того. Проводить?»

Я кивнул, и мы вчетвером направились к лестнице.

«Лифт на ремонте», – пояснил администратор.

Я едва удержался от того, чтобы спросить – сколько времени продолжается ремонт. Если судить по виду гостиницы, очень давно. Неброская бежевая краска на стенах местами облупилась. Потолок едва побелен, а под ним мерцают древние лампы накаливания. М-да... Некрашенные деревянные перила и крошащиеся ступеньки.

Поднялись на пятый этаж. Администратор указал на серую деревянную дверь. Он начал возиться со связкой механических ключей, но полицейский оказался быстрее. Коп достал из кармана набор квартирному вору, целую гирлянду отмычек, и оттолкнул администратора от двери.

Захотел попрактиковаться?

Полицейский осторожно, практически беззвучно, открыл единственный замок. Мы достали оружие. Коп подтолкнул дверь, и она скрипнула. Уже не таясь, вошли в коридор. Те двое двинулись дальше, в темноту и тишину, которая изредка нарушалась странным шёпотом.

– Сюда, – послышалось из-за угла, и я пошёл вглубь номера. Коп включил свет, я уже хотел наорать на него, но успел заметить, что тот в перчатках.

С потолка единственной комнаты свисало тело. В деловом костюме, без ботинок. В полутора метрах от края кровати. Вероятно, спрыгнул оттуда. Сам. Никаких следов борьбы и взлома двери. Ключи аккуратно лежали на прихожей. Там же, на месте, висел плащ. То же с ботинками. Закрылся изнутри.

Удавился на собственном поясе. Он был привязан к креплению для люстры. А та оказалась аккуратно свинчена и лежала на подоконнике.

Эрасмуссен висел, напоминая манекен, упакованный в деловой костюм. Без галстука. Я попробовал представить, как он кладёт ключи на законное место, аккуратно снимает верхнюю одежду, осторожно обращается с люстрой, тянется к поясу... О чём он думал? Что чувствовал?

– Покиньте помещение, – я сказал администратору, который порывался пройти внутрь. Мужчина подчинился и отошёл вглубь коридора, став наблюдать из-за дверей.

На небольшом столике у кровати лежали листок бумаги и ручка. Листок – чистой страницей вверх, ручка рядом. Я достал перчатки и надел их.

«Хотел что-то написать и передумал?»

Перевернул листок. Там и оказалось странное послание: «Когда-то очень давно я знал врага в лицо. Но больше не вижу его. Он будто повсюду. Вокруг. Это кто-то из знакомых? Я сам? Или что-то совсем другое?»

И со следующей строчки: «Выхода нет».

Прямо как в метро. Выхода нет. Чёрными чернилами. Я набрал шефа и встал так, чтобы тот увидел труп за моей спиной.

– Что там... – начал было он, но увидел тело. – Сам?

– По всем признакам. Посмертная записка, следов борьбы нет. Аккуратно так.

– Дрянь. В квартирах директора и того, второго...

– Саххета?

– Их только что потушили. Трупов нет. Всё сгорело. Следов нет. Так что...

– Эта квартира – всё, что у нас есть.

– Именно... А кто там говорит? Кто с тобой?

– Там... играет какая-то запись. Эрасмуссен её слушал. Я ещё не осматривал тот угол.

– Так, – шеф почесал лысый затылок, – разбирайся с квартирой, а потом... – он посмотрел в сторону. – В общем, я сам позвоню.

Я понял, что мне предоставляется немного свободы.

Он подмигнул мне? Нет, скорее, глаз дёрнулся. Закрутился совсем. «Сам позвоню...» Когда начальник отключился, я обратился к скучающим копам:

– Парни, сможете записать показания местных?

Те переглянулись и согласились. Я остался в номере. Один на один с висющим трупом и неясным шёпотом, который доносился из электронной книги погибшего.

При обыске тела ничего не нашлось. Пустые карманы, если не считать сигарет. Захотелось получить общее впечатление от номера. Я прошёлся по нему.

Ничего особенного. Личных вещей минимум. Обычная для подобных заведений прихожая. То же с кухней и ванной – беспорядка нет, словно в номере никто не жил. Вместо обоев или плитки на стенах блёклая краска. В холодильнике немного еды, откровенного фастфуда. Похоже, парень мало готовил. Из старомодного механического крана капала вода. Возникло ощущение, будто его кухня напоминает мою...

В «стенке» одежда, правда, под аккуратно сложенной белой футболкой обнаружилось две электронных книги.

Больше ничего. Ни томов профессиональной литературы, ни украденных экспонатов. Ни одного томагавка.

Я вернулся в комнату. На подоконнике рядом со свинченной люстрой недопитая бутылка воды. Унылый вид сквозь жалюзи на окне.

На стене висела картина с нейтральным пейзажем. Панцирная кровать, рядом с ней большая бутылка питьевой воды в углу. Кружка на полу, на столике вентилятор и работающая электронная книга. На стене, почти над подушкой, небольшой светильник. В другом углу зеркало, стул и столик. На потолке пожарная сигнализация. Неработающая, так как на столике лежала зажигалка и пепельница с двумя окурками. В ящике стола обнаружилась полупустая бутылка виски и один гранёный стакан.

Я взял говорящую электронную книгу и направился к окну, по пути выключив свет. В номере потемнело, и на стены лёг полосатый рисунок жалюзи.

Управление книгой оказалось стандартным, я прислонился к стене и увеличил громкость проигрываемого файла. Чёрно-белая плоская запись, низкого качества. Судя по тексту и изображению, это было старое телевизионное обращение какого-то исторического лица.

Незнакомый пожилой человек зачитывал послание на английском. Внизу экрана – бегущая строка с текстом на французском.

«Три с половиной миллиона человек связаны с оборонным истеблишментом. Мы ежегодно расходует на безопасность сумму, превышающую доход всех корпораций Соединенных Штатов. Этот конгломерат военного истеблишмента и промышленности является новым в американской жизни. Экономическое, политическое, даже духовное влияние этого союза ощущается в каждом городе. Мы признаём насущную необходимость такого хода событий. И тем не менее, нам не следует недооценивать его серьёзных последствий. С этим связано слишком многое, даже сам общественный строй. Мы должны быть начеку, чтобы предотвратить необоснованное влияние военно-промышленного комплекса. Потенциал опасного роста его неоправданной власти существует и будет существовать. В значительной степени ответственной за радикальные изменения в нашем военно-промышленном статусе была технологическая революция последних десятилетий. Центральным моментом в этой революции стала исследовательская деятельность, которая становится всё более формализованной, сложной и дорогостоящей. Сегодня изобретатель-одиночка, трудящийся в своей мастерской, оттеснён на второй план крупными группами учёных. По причине требуемых затрат правительственный контракт теперь заменяет интеллектуальную любознательность. Личность подчиняется диктату финансов. Перспектива утверждения власти денег вполне реальна, и её следует рассматривать со всей серьёзностью. Мы должны опасаться угрозы того, что государственная политика может оказаться заложницей интересов научно-технической элиты. Задачей государственного управления является сбалансировать эти и прочие силы, старые и новые, интегрировать их в нашу демократическую систему... Поскольку эта необходимость столь насущна и очевидна, я сознаюсь, что слагаю официальные полномочия с чувством большого разочарования...»

Внизу экрана проявилась пометка, сделанная электронной ручкой. Разобрать почерк оказалось непросто.

«Президент США Дуайт Эйзенхауэр. Прощальное телевизионное обращение к нации. Между 1960 и 1965 годами».

Что значит «между»? Учёный сомневается в датировке? Эпоха США не так далека от нас! С этой историей что-то неправильно.... Я посмотрел на труп. Возможно, всё проще, у парня поехала крыша. Считал себя врагом, если верить предсмертной записке. Наркотики? Странно, но в номере ничего такого не нашлось.

Файл тем временем закончил воспроизводиться. На очередь встал следующий, я собирался ткнуть на него, но тут в номер ввалился коп. С результатами опроса.

Никто ничего не видел. Не слышал. Парень умер тихо и мирно. В подобных районах почти всегда так. Потому что «выхода нет».

– Когда уйду, опечатайте номер. До приезда досмотровой группы, – сказал я полицейским.

Нужно было ещё раз обследовать комнату. И во время повторного обхода меня почему-то потянуло заглянуть за столик...

Я осторожно отодвинул его от стены и разглядел в темноте серебряный блеск.

Отодвинул столик подальше. Оказалось – христианский крестик на цепочке. Действительно, напоминает серебро. Я осторожно поднял крестик, и показалось, что от него пахнет... духами, что ли?

Возможно, Эрасмуссен швырнул его в угол перед тем, как... То есть аккуратно вернул ключи на место, снял в прихожей верхнюю одежду, ботинки. Осторожно свинтил люстру. А вот крестик почему-то швырнул в угол. Не сдержался.

Странно. Зачем неоязычнику христианский крестик? Отчего он пахнет духами? Принадлежал ли он Эрасмуссену?..

Следственная группа внесла улику в опись. Её следовало изучить, установить, где была изготовлена, когда и где продана. Можно было определить вид духов, которыми пахла улика. И если бы он оказался уникальным, то... В общем, в хранилище крестик отмечился. Полежал там немного – пока я сам не забрал его. По крайней мере, в реестре обращений за вещдоками отмечено, что забрал его я. Ошибка системы? Служебный подлог?

Моя память отвечала молчанием на вполне законные вопросы. Поднимать «бучу» сейчас, самому, было не с руки. Если раскрою дело, то пропажа вещдока замнётся без проблем. Если нет, то результат будет такой же, если поднять крик сейчас – я первый кандидат в крайние. Моё слово против слова электронной системы, её репутации, показаний досмотровой группы и так далее, по списку.

Главное, времени вроде хватало. Шеф совсем закутился в работе, замещая пост начальника ещё одного отдела. И возможно, поэтому выпустил меня из зоны внимания. А я плавно перешёл на режим работы «на дому», копаясь в электронных книгах Эрасмуссена, стараясь найти в них ключи к делу.

* * *

Вот и приходится копать дальше, разбираться в мешанине его записей. Подальше от чужих глаз, запершись в квартире.

Тексты в электронных книгах представляли собой неоднозначное чтиво. Напоминали любительское исследование библейских тем.

Если это хобби, то тогда опять непонятно: с одной стороны неоязычество, а с другой – христианство.

Я раньше не читал Библии, поэтому был вынужден пробежать глазами её сокращённый вариант, скачанный из Облака. Библия-lite. Наверняка, приглаженный текст. Так что, не зацепило. Но и времени много не отняло.

Первое впечатление от материалов Эрасмуссена заключалось в том, что парень, похоже, пытался создать из разных взглядов на Библию нечто своё. Причём, судя по стилистике, текст в виде личных воспоминаний. Хорошо, не от первого лица.

«Взять хотя бы эту», – я потянулся к электронной книге, одной из трёх, что лежали на подоконнике. Включил её. Эта книга носила характер личного дневника. Я открыл страницу наугад и принялся листать.

Какие-то пометки, каракули от руки. Ногтем писал, что ли? Мысли вслух. Бессвязно, бессистемно. Например, это: «Согласно древнему преданию Господь разгневался на жителей Содомы и пригрозил сжечь город, если не найдёт в нём хотя бы пятидесяти праведников. Однако избранник Господа, несколько раз обратившись к Нему, упросил Его снизить количество праведников до десяти. Господь согласился и покинул Своего избранника, а тот не посмел взмолиться ещё раз. И в город отправились...»

Фраза оказалась незаконченной. Впрочем, после обрыва текста шла вполне читаемая ссылка на документ во второй книге. В ней и хранился квазибиблейский текст, который сочинял Эрасмуссен. В третьей книге находились несколько, скажем так, более-менее канонических версий Библии. Раздобыл где-то!

Интересно, что парень не смешивал файлы, а хранил их по-отдельности в трёх книгах. Боялся сам запутаться?

Я взял вторую книгу, настроил подсветку, чтобы продолжить диковатое чтение.

По названию города «Содом» можно было подумать, что ссылка вернёт меня к событиям начала Ветхого завета, где по каноническим версиям Библии излагались истории Авраама и Лота. Однако ссылка почему-то привела к сильно изменённой Первой книге Царств.

Хотя для данного «документа» это мелочь... В сравнении с тем, что Библейские события в нём не заканчивались Новым заветом, а продолжались до относительно недавнего времени.

Текст, касающийся «менее ветхих времён» я толком не смотрел, но по диагонали пробежался. Первое впечатление – это такое фэнтези в декорациях средневековья, где зло по умолчанию олицетворено, и его можно победить с помощью одной лошадино-рыцарской силы, да заклинания (оно же молитва). Почти современное фэнтези, где одиночке предлагается противостоять всего лишь могучему дракону, а не самому ходу вещей... Битва бобра с ослом¹⁰, в общем. Как у него рука поднялась запихнуть «сие» в Библию, пускай и собственной сборки? Хотя, возможно, тексты являлись только черновиками.

Что необычно – в разделе псевдоБиблии, где мелькало словосочетание «Восток Франции», описывались не очень-то христианские обряды, названные уставами то ли каменщиков, то ли строителей. Бред? Более чем похоже. Вот только в него предстояло окунуться с головой.

Я взялся читать текст, примерно отвечавший теме Первой книги Царств. Благо, фрагмент, в который меня отправила ссылка, начинался не так далеко от места, где я закончил в прошлый раз.

* * *

Этим вечером Давиду предстояло впервые увидеть царя Суула¹¹ и его столицу. Молодой пастух никогда раньше не был в Гиве, и, очутившись в ней, не поверил глазам. Она показалась ему сонным, почти уснувшим, маленьким палестинским городком.

Небольшое поселение без стены и ворот. Внутрь Гивы проникали пыльные облака из пустыни. Увлекаемые сухим ветром, они насквозь проходили через городок, будто не замечая его.

Почему царь решил здесь устроить ставку? Разве что из-за близости к землям филистимлян.

Поздними вечерами ветры становились единственными хозяевами Гивы. Только они заглядывали в заваленные нехитрым скарбом тупички, узкие проулки и бродили по пыльным дорожкам. Малочисленные местные жители, те, кто смог остаться в городе, соблюдали указ, запрещавший появляться на ночных улицах. Начиная с раннего вечера, их мир сужался до размера глиняной мазанки или совершенно нищей лачуги.

До прихода царя здешняя жизнь поддерживалась за счёт двух источников воды, выходящих на поверхность. Однако теперь они оказались на территории дворца. О сравнительно неплохой жизни напоминали засыхающие смоковницы, что показывались между хижинами то здесь, то там. Возле одной из смоковниц, старой и одинокой, лежал каменный топор, забытый строителями. Им было приказано срубить неприглядные, растущие где попало деревья. А те словно чувствовали, что их время ушло, и увядали сами собой. Оставшимся в Гиве жителям разрешили вырыть только один новый колодец.

Царь, должно быть, хотел снести всё старое и выстроить вокруг дворца новый город. За чертой домов бедноты, через пустырь, чернела груда камней и нечто, похожее на длинную яму. Ров? Вероятно, там планировалось возвести часть стены или городские ворота.

Давиду казалось, что дорога сюда, включая путь через пустыню, длилась целую вечность. Двое мечников шли впереди, и ещё двое сзади, изредка подталкивая молодого пастуха вперёд.

¹⁰ Битва добра со злом (см. Луркоморье)

¹¹ Имена в древних документах записывались без обозначения гласных, поэтому настоящих имён библейских героев и географических названий мы можем не знать. Как и многих деталей исторических событий

Стражник неосторожно задел висящую на спине Давида большую изогнутую в трёх местах флейту. Тот обернулся, послав мечнику укор своим взглядом, однако получил ещё один тычок. Стражники не принимали Давида всерьёз – безбородого белокурого юношу с красивым и немного женственным лицом. Носящего вместо оружия необычную дудку.¹²

Пастуху не понравился взгляд охранника. Глаза, полные темнотой... ничем. Впрочем, это могло только привидеться – из-за тени на глазах стражника, куда не попадал лунный свет.

Как раз в этот момент всколыхнулся полог на дверном проёме ближайшей хижины. Кто-то захотел выглянуть на улицу, но, испугавшись стражи, передумал. На улицу пролилось немного рыжего света от домашней масляной лампы. Полог прекратил колыхаться, и свет исчез. Конвой продолжил движение под большой луной.

Давиду становилось не по себе. Всё время, пока они петляли по узким улочкам, его не покидало ощущение, будто за ним следят. Из-за крыш, из темноты. Но когда он оборачивался туда, то никого не мог увидеть, он лишь рисковал получить ещё один тычок оружием в спину. Тишину прерывали лай бездомного пса, да шёпот ветра над низкими крышами, на грани восприятия. Синеватый при свете луны песок будто проглатывал звуки шагов, сандалии опускались в него практически бесшумно. Люди не то чтобы двигались, а плыли вперёд как тени.

Несколько раз в промежутках между мазанками показывались кипарисовые стены строящегося храма, а также возведённая каменная башня-тюрьма. Очевидно, они приближались ко дворцу. Тесные и кривые переулки неожиданно превратились в почти прямую дорогу, с глубокой колеёй в грунте – два ряда мазанок по сторонам оказались снесены. Вместо них на земле лежали каменные блоки под строительство приличных домов для приближённых царя. Здесь оставлялось место под внутренние дворики и будущие сады.

Сейчас там виднелись лишь палатки строителей. Вот один из них вынырнул из темноты и проскользнул в палатку, мельком взглянув на патруль. Строителям разрешалось больше, чем жителям. Давид задержал взгляд на палатке, заметил, что рядом стоит повозка, и неподалёку полусонный ослик, жующий что-то. Мужчина выходил, чтобы покормить его.

Мазанки исчезли вовсе. Взору предстала расчищенная площадь. По её углам группировались кустами походные шатры войск Суула. Сам дворец белел высокими известковыми стенами – в свете горящих по периметру факелов. Фасад был облицован гладким и белым однотонным материалом. Вид высокого красивого здания, вынырнувшего из темноты, и его контраст с убогими хижинами производили сильное впечатление. Давид непроизвольно остановился перед этим зрелищем.

– Вперёд, – его толкнули в спину, и пастух подчинился.

Они проходили через пустое место, где проводились нехитрые земляные работы. Здесь готовилось место под сад. Через какое-то время тут будут расти фруктовые сады и цветники. Пастух попытался нарисовать себе эту картину. И от неё закружилась голова. Он почти услышал, как ветер перешёптывается с листьями и цветами... Давид очнулся от наваждения, когда понял, что к тишине примешивается совсем другое: потрескивание огня на факелах. И ещё. Ему показалось, будто в темноте, заполнявшей балкон дворца, мелькнуло лицо. Оно проявилось на мгновение и быстро исчезло. Вернулось в сплошную массивную тень.

Стражники вдоль стен и у входа производили неприятное ощущение. Они стояли совсем без движения, широко расставив ноги и опустив руки на рукояти оружия. Мечники имели медные доспехи, отсвечивающие красным. С плеч спадали, почти струились, плащи кровавого цвета. Копьеносцы носили кожаные панцири, отделанные медью и блестящие при близком свете факелов. По доспехам скользили всполохи и блики огня факелов.

¹² Описание Давида в Библии уникально тем, что в ней много внимания уделяется музыкальности молодого пастуха, а затем и царя

У каждого стражника обнаруживался один и тот же странный взгляд. Будто некая завеса, непрозрачная, чернеющая, холодная, была опущена на глаза. В них совершенно не было блеска. Возникало ощущение, что эти люди лишены собственных чувств. Будто у них украдено что-то важное. И что теперь они обращены в пустые панцири, куда вселилась странная тень.

«Куклы», – думал Давид, поднимаясь по лестнице, ступая по покрытым кедровыми досками ступенькам. Он понимал, что с каждым шагом его прежняя жизнь неумолимо подходит к концу. Будто её забирает по капелькам каждое остриё меча и пика охранников, мимо которых Давид проходил. Пастух, привыкший к открытым пространствам, пытался запомнить расположение петляющих коридоров. На случай, если придётся бежать.

По коврам, что лежали на настиле из кедра, под дрожащим светом факелов, они приблизились к резным дверям. Стражник только протянул к ним руку, как из открывшегося проёма выскользнула невесомая тень. А следом её обладательница, фигурка тоненькой рабыни, быстро опустившей взгляд. Но Давид успел заметить, что её глаза отличаются от остальных. Не такие пустые, с застывшими слезами в глубине.

Они ступили в большой тронный зал. Сам трон пустовал. В зале качались тени от неровного света факелов. Их пламя колыхалось от небольшого движения воздуха. Казалось, пространство плывёт как разогретый воск, и будто в картине перед глазами есть нечто неправильное, искажённое. Мир внутри этих стен выглядел неестественным для пастуха, привыкшего к открытому воздуху и солнцу.

Двое охранников остались за дверью. Рядом с Давидом остались другие двое. Они стояли в полном молчании. Зрение постепенно привыкло к игре теней, и пастух смог различить силуэт у балкона. Через некоторое время Давид стал видеть лучше, и у него получилось рассмотреть царя.

Высокий, хорошо сложенный мужчина смотрел вдаль, скрестив руки на груди. С его спины свешивался чёрный, расшитый золотом плащ. По его краям проходили волны от лёгкого ветра. Но как-то необычно... Будто ток воздуха шёл от самой фигуры Суула, а не с улицы.

Внезапно царь отпрянул от того, на что смотрел, и покинул балкон. Суул остановился возле трона, к которому протянулась долговязая тень от его ног.

В самой глубине немигающих глаз царя пульсировал странный блеск – сумрачный и холодный. В этом они отличались от глаз подданных, хотя и на его взор оказалась надвинута темнеющая завеса, сквозь которую он смотрел на мир. Давид ощущал исходящий от Суула ток воздуха. У пастуха складывалось ощущение, что он смотрит не на человека, обличённого властью, а на саму власть. Для израильтян она была непривычна, отчего и ощущалась физически. Ещё не все люди свыклись с ней, не все приняли её как само собой разумеющееся.¹³

Черты лица Суула производили тяжёлое впечатление. Высокий лоб делился пополам набухшей веной, которая спускалась к переносице. Из-за движения огней от факелов казалось, что вена пульсирует кровью. Ноздри хищно загнутого носа слегка раздувались при дыхании. Густая чёрная борода. Мужественный раздвоенный подбородок.

Царь смотрел в сторону вошедших, но словно не видел их. Затем его глаза дрогнули, он стал разглядывать Давида, щурясь от неровного света факелов. Возможно, его глаза успели отвыкнуть от света, поскольку он мог стоять на балконе, просто закрыв глаза.

– Ты Давид, сын Ессея? – Показалось, что губы Суула, слившиеся с тенью, даже не дрогнули, и что вопрос задали немигающие пронзительные глаза.

¹³ Саул стал первым царём Израиля, до него израильтяне не имели царя. До Саула они считались единственным народом, что не поклонялся человеку. Единственным народом, которым управлял Бог

– Да... мой царь, – не без труда, проглотив внезапный комок в горле, выдавил из себя Давид.

– Это ты отбил добычу у амолекитян? – вновь спросил мрачный взгляд Суула.

– Так, мой царь, – Давид старался справиться с непривычным чувством. Язык точно прилипал к нёбу. Этот ненормальный город выворачивал наизнанку. Пастух чувствовал себя безвольной куклой, которую ломает и затягивает неясный сумрачный омут. В стенах дворца жила какая-то своя, незнакомая, противоестественная реальность. Нигде прежде пастух, привыкший к свободе, не сталкивался с подобным.

– Они бились храбро?

Давид не смог быстро ответить. В горле вконец пересохло.

– Отвечай, – царь повысил голос.

– Нет... мой царь. Мы... застали врасплох.

Оценив состояние подданного, Суул удовлетворённо кивнул и продолжил:

– Они разбежались как пустынные собаки. Проклятый разбойничий род Амалека. Мне нужны сильные воины, – царь слегка наклонил голову. – Что у тебя за спиной? Охрана пустила тебя с оружием?

– Флейта. Мой царь.

– Она выглядит не так. Почему у неё...

Суул не договорил – неожиданно, с сильным хлопком, двери позади Давида распахнулись. В них вломились трое: невысокий, сухой на вид старик в сопровождении двух вооружённых левитов.¹⁴ Стражники тут же, без команды Суула, бросились к Давиду и буквально отшвырнули того к стенке. С ним обошлись как с бездомной собакой. Охранники вытянулись вдоль стен. Опять же без приказа царя.

Левиты остались у входа. Они многозначительно положили руки на рукояти ритуальных ножей. Если судить по теням, что тянулись из коридора, за входом остались ещё несколько левитов.

«Пророк Самаэл?» – спросил себя Давид. Только он был способен вести себя так. Только его боялись больше, чем царя. Только его боялся сам царь.

Про Самаэла ходило много слухов. Он появлялся везде, где хотел, и когда хотел. Он мог спокойно заявиться во дворец даже глубокой ночью и поднять всех на ноги. Люди знали, какой была его роль в воцарении Суула. Не забывал и государь о том, из чьих рук получил власть. Одно слово Самаэла – и всё изменится.¹⁵

Следом за сгорбленной иссохшей фигуркой в зал ворвался ветер из коридора. Пророк сделал несколько резких шагов вперёд и остановился, глядя в лицо Суула. На пол с глухим ударом опустилось остриё его посоха. Повисло молчание, в течение которого они долго смотрели друг на друга.

Давид украдкой поглядывал на Самаэла. На ту бледную, неподвижную, расколотую морщинами маску, в которую превратилось лицо глубокого старика. Единственно живыми на ней казались мутные серые глаза, наверняка подслеповатые. С непокрытой головы свисали длинные, со следами скитаний по пустыне, пепельного цвета волосы. Такая же борода. Она падала на странноватый балахон, одеяние Самаэла, напоминавшее простую милоть бедняков.¹⁶

¹⁴ Левиты – потомки Левия, привилегированное колено Израиля. Левиты исполняли роль храмовой стражи, судей, священников и т. п.

¹⁵ В Ветхом завете сказано следующее (Первая книга Царств, глава 12, стих 12). «Увидев, что царь аммонитян Нахаш идёт против вас, вы сказали мне [пророку Самуилу]: Нет, пусть царь правит нами, хотя Господь, ваш Бог, был вашим царем». Или глава 8, стих 6. «Не понравилось слово сие Самуилу, когда они [народ] сказали: Дай нам царя, чтобы он судил нас. И [тогда] стал Самуил молиться Господу»

¹⁶ Простая одежда, покрывало, которым оборачивались вокруг тела. Один угол покрывала перекидывали через плечо

Молчание явно затянулось. Поведение царя и пророка говорило о том, что отношения между ними не были простыми.

Самаэл поднял посох и, широко шагая, двинулся на Суула.

– Господь послал меня, чтобы я помазал тебя в цари над Его народом, – сорванным хрипящим голосом проговорил Самаэл и зашёл за спину Суула.

Остановился там, а, когда царь дёрнулся, чтобы обернуться, продолжил:

– Так слушай слово Господа.

Суул остался на месте, поджав губы. Вена на лбу вздулась сильнее, а под кожей заиграли желваки. Царь напоминал загнанного в клетку хищника.

– Так говорит Господь. Я помню, как поступил Амалек. Иди и отомсти Амалеку. Предай заклятию. Уничтожь всё, что есть у него. Не жалея никого. Предай смерти всех: и мужчин, и женщин, и детей, и младенцев, и волов, и овец, и ослов, и верблюдов!¹⁷

Самаэл выдержал небольшую паузу, ударил в пол посохом, после чего прохрипел более спокойным голосом:

– Убей всех. Таково слово Господа.

Давид не мог поверить ушам. Он сам сталкивался с племенем Амалека, но сейчас отказывался понимать подобную жестокость. Давиду приходилось брать в руки оружие, однако он не был мясником. Какова вина на младенцах? А на женщинах Амалека, что не брали в руки оружия?

У Давида поплыло перед глазами. Реальность, поселившаяся в этом доме, оказалась слишком тяжела для него.

– Так сказал Господь, – повторился Самаэл, с бесцветных губ которого сорвался жуткий полухрип-полушёпот.

Пастух невольно опёрся о стену и прищурился, глядя в сторону пророка. Теперь Давид увидел того по-другому.

Судя по конвульсивно дёргавшемуся телу и сорванному голосу, он приходил в иступление и был готов сорваться в припадок.¹⁸ Самаэл уже прихрамывал на ногу из-за сведённых мышц. Бледный, в нелепом тряпье. Если Суул воплощал в себе необъяснимую подавляющую силу этого места, то Самаэл – его безумие.

– Таков Второй закон – в городах сих народов не оставляй в живых ни одной души.¹⁹

и застёгивали на груди пряжкой

¹⁷ Ветхий завет. Первая книга Царств, глава 15. Стихи 1–3. «И сказал Самуил Саулу: Господь послал меня помазать тебя царём над народом Его, над Израилем; теперь послушай гласа Господа. Так говорит Господь Саваоф: вспомнил Я о том, что сделал Амалик Израилю, как он противостоял ему на пути, когда он шёл из Египта; теперь иди и порази Амалика, и истреби всё, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла»

¹⁸ В Библии нередки примеры «странноватого» немотивированного поведения героев. Например, Первая книга Царств, глава 19, стих 24. «И снял он [Саул] одежды свои, и пророчествовал пред Самуилом, и весь день тот и всю ту ночь лежал не одетый...» Первая книга Царств, глава 18, стих 10: «... и он [Саул] бесновался в доме своём, а Давид играл рукою своею на струнах... в руке у Саула было копьё. И бросил Саул копьё... но Давид два раза уклонился. И стал бояться Саул Давида». Первая книга Царств, глава 21, стих 14. «И изменил лицо своё [Давид] пред ними, и притворился безумным в их глазах, и чертил на дверях, и пускал слюну по бороде своей...» Вторая книга Царств, глава 6, стихи 16 и 20. «Когда ковчег Господа въезжал в Город Давидов, Мелхола, дочь Саула, выглянув в окно, увидела Давида, в иступлении танцующего перед Господом, и исполнилась презрения к нему... Навстречу ему вышла Мелхола, дочь Саула, и сказала: Достоин же вёл себя сегодня царь Израиля – скакал голым перед рабынями своих слуг, словно какой-то болван!» Вторая книга Царств. Глава 3. Стих 14. «И отправил Давид послов к Иевосфею, сыну Саулову, сказать: отдай жену мою Мелхолу, которую я получил за сто краеобрезаний Филистимских»

¹⁹ Ветхий завет. Второзаконие, глава 20, стих 16: «А в городах сих народов, которых Господь Бог твой даёт тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души». Книга Иисуса Навина, глава 6, стих 20: «И предали заклятию всё, что в городе, и мужей и жён, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, всё истребили мечом». Книга Иисуса Навина, глава 10, стих 30: «И предал Господь и её [город Ливну] в руки Израиля, и царя её, и истребил её Иисус мечом и всё дышащее, что находилось в ней, никого не оставил в ней, кто бы уцелел...» Книга Иисуса Навина, глава 11, стих 14: «А всю добычу городов сих и скот разграбили сыны Израилевы себе; людей же всех перебили мечом, так что истребили всех

Голову мутило всё сильнее. Давиду почудилось, будто тени в зале задвигались быстрее, а похолодевший ветер усилился. Только теперь он шёл не из коридора, а со стороны балкона, где стояли те двое.

Захотелось убежать. Отовсюду запахло кровью, гарью и ужасом. Давиду мерещилось, как с белых стен тронного зала стекает и капает кровь, как по полу и скрытому в темноте потолку ползут голодные языки огня. Как они подбираются к нему.

И тогда его ноги подкосились. И не дало упасть лишь плечо стражника, что застыл рядом как каменное изваяние. Картинка перед глазами расплывалась, а в голове отчего-то зазвучал женский голос... Голос той гадалки, которую не удавалось забыть, и которая говорила странные вещи.²⁰

Только теперь – теряя сознание – Давид начал понимать её. Инстинктивно опираясь на плечо оцепеневшего стражника, пастух проваливался в собственные воспоминания.

Он вспоминал, как...

Короткий полог пропускал в шатёр прохладу ливанского кедрового леса. Внутрь проникали запахи диких незнакомых трав, а фоном служил аромат розового масла из светильника, что мерцал внутри шатра. Но было ещё кое-что. Невыразимое. Непередаваемое. Запах, что шёл не из леса, а откуда-то изнутри. Может, запах счастья? Или свободы... Нет, не то. Опять не то.

Небольшой бутон огня покачивался на фитиле, что выходил из небольшого и тоненького сосуда в виде сложенных крыльев глиняной бабочки-светильника. Огонёк почти танцевал в ночной тишине, под едва различимый шёпот ветвей кедра на ветру.

Они лежали на небольшом коврикe из белой овечьей шерсти, а тот, в свою очередь, на зелёном ковре лесных трав.

Его красивая тайна, его запретное счастье, казалось, спала рядом. В такие минуты он называл её про себя откровенно и просто. «Мой ангел». Думать о ней по-другому не получалось.

Сейчас он смотрел на рассыпанные по краю белого шерстяного пледа вьющиеся волосы. Поблёскивающие, как крылья ворона. Мягкие и густые.

Давид не смог устоять. Осторожно, стараясь не шуметь, протянул руку и стянул край пледа с её головы. Ему захотелось взглянуть на лицо. На лицо своего ангела.

Первым из-под пледа показался аккуратный носик с очаровательной горбинкой. Давид непроизвольно улыбнулся: «Жалко, что синих глаз не увижу». Затем белая даже при слабом свете кожа.

Её красиво очерченные губы дрогнули. Или это была шутка теней? Что ей снилось? С кем она говорила во сне?

Давид наклонился поближе и вдохнул её запах. Он совсем не походил на запах цветов или трав. Как всегда, он был почти неуловим. И в то же время вызывал опьяняющую смесь чувств: восхищения и влечения.

«Мой ангел», – то ли сказал, то ли подумал он. И тогда она проснулась, будто услышала, как её позвали. Из-под чёрных ресниц блеснули глаза. Глубокого синего цвета.

– Прости, я разбудил тебя, – он поцеловал её носик.

«Ничего», – она улыбнулась своим взглядом. Пламя светильника дрогнуло, из-за чего показалось, будто это «ничего» пришло из тишины ночи, а не сорвалось с губ.

– Я погашу огонь, – прошептал Давид и потянулся к светильнику-бабочке.

– Нет, – она серьёзно взглянула на него и не дала потушить источник света.

«Сейчас таких как ты зовут язычниками. Неверными», – подумал и не сказал Давид.

их, не оставили ни одной души»

²⁰ Царь Саул запретил гадание, преследовал прорицателей и идолопоклонников, требуя поклонения одному Господу

Он лёг обратно, не погасив светильника. И всё было бы хорошо, если бы его ангел не попробовала продолжить вчерашний разговор:

– Он даёт свет. Бог хочет стать видимым, чтобы люди могли за ним следовать²¹. На этот алтарь нельзя пролить крови – Ему не нужно больше, чем наши молитвы. Только они. Между нами ничего нет, кроме них. Я расскажу тебе одну историю...

Давид нахмурился и отвернулся к пологу шатра:

– Не говори так.

Некоторое время они молчали.

– Собираешься на службу к Суулу? – наконец, спросила ангел.

– У меня нет выбора. Они возьмут в заложники отца.

– Не служи ему. Он теперь с Самаэлом. Царь забыл себя прежнего.

Давид захотел повернуться, чтобы посмотреть ей в глаза, но сдержался. В его взгляде вспыхнула ревность. Что значит – «забыл себя прежнего»? Пастух промолчал. И спросил о другом:

– В твоих словах всегда получается так, будто Бог и Господь не...

Он замолчал, и тогда его слова продолжила ангел:

– Самаэл лепит из вас преданных боязливых рабов. А Суул станет его первым рабом.

– О чём ты?

– О страхе. О человеческом сердце. Когда страх опутает его подобно плющу, люди подумают, что это и есть настоящая любовь. А добровольное рабство единственная добродетель.

– Здесь душно, – Давид поднялся, закутался в милоть и вышел из шатра.

Снаружи было свежее. И совершенно тихо. Догоравший неподалеку костёр бросал блики света на край кедрового леса, на стволы и ветви. На камни и скалы. Давида повлекло вперёд, к обрыву, за которым виднелось открытое пространство.

Он остановился в шаге от бездны и посмотрел вниз. Он стоял так, бесцельно и молча, пока его не обняла подошедшая сзади ангел. Её прикосновение оказалось мягким, тёплым, чарующим. Как и запах. Она быстро растопила сердце Давида.

– Объясни, кто твой Бог, – попросил он. – Я ничего не понял. Скажи так, будто ты видишь Его перед собой.

– Посмотри вниз... Страшно? Сделай шаг вперёд.

Они вместе ступили на самый край обрыва. Еще чуть-чуть, и они оба сорвались бы в пропасть.

– Ещё, – продолжила ангел. – Подайся вперёд. Ты чувствуешь, как тянет вниз? Затягивает в темноту?

Пастух сумел только кивнуть. У него перехватило дыхание. Он физически ощущал притяжение того, что скрывалось в пропасти. В темноте.

– Там смерть. Запомни это чувство... А теперь отойди от края и посмотри в небо.

Они сделали шаг назад. Взмокший Давид мысленно выдохнул и поблагодарил ангела за то, что она не столкнула его в бездну.

– Посмотри в небо. На звёзды. Ты чувствуешь... что-то зовёт туда? Это также реально, как и то, что тянет вниз. Просто небо дальше, чем обрыв. И притягивает оно не тело... Когда ты сочиняешь свои стихи²², Он незаметно склоняется к тебе и тихо шепчет. Ты должен чувствовать.

²¹ Здесь противопоставление с известным фрагментом Ветхого завета. Третья книга Царств, Глава 8, стихи 10–12. «И лишь только священники вышли из Храма, как облако наполнило Храм Господень. И не могли священники из-за этого облака стоять и продолжать свою службу: это слава Господня наполнила собой Храм Господень. И сказал Соломон: Во мгле Господь пожелал обитать!»

²² Считается, что, по крайней мере, часть песен из Псалтыря (Ветхий завет) принадлежит царю Давиду

– Я думал, это ты.

– Нет.

– Тогда я снова ничего не понял...

Её объятия ослабли. Она резко ответила:

– Продолжайте убивать, лить кровь на алтарь, и ложь станет правдой.

Глаза пастуха раздражённо сверкнули, но быстро погасли.

– Ваш Господь только зовётся Богом, – добавила ангел. – Ваш Господь это зло.

Давида передёрнуло от таких слов. Будто внезапная, необъяснимая злость набросилась на него из темноты обрыва.

Он развернулся и даже занёс руку, чтобы... но тут же столкнулся с её угрожающим взглядом.

Глаза ангела вспыхнули в темноте резким белым пламенем. И в свете большой луны она стала похожей на потустороннее существо.

Давид от неожиданности упал на спину. Её глаза быстро потухли, но увиденного хватило, чтобы пастух понял, кто перед ним. Кто прячется внутри видимой скорлупы.

– Ты демон, – пробормотал Давид и попытался отползти прочь. – Демон...

– Я твой ангел.

– Уходи, – хрипел он, цепляясь за острые камни под собой, сгребая их, судорожно сгибая и разгибая ноги, которые не хотели подчиняться. – Уходи. Царь... проклял вас. Суул проклял!

Наконец, ему удалось перевернуться на живот, а затем и подняться. Давид побежал прочь. К лесу. Через заполненный туманом лес.

Он продолжал нестись сквозь темнеющие заросли, спотыкался о камни и корни деревьев, а необычайно раскатистый голос ангела не отставал. Он звучал повсюду:

– Царь проклял свою память! Теперь беги к его трону! Проклятье вернётся к тебе!

Он долго бежал по чаще, а когда выдохся, то понял, что заблудился. Вокруг стоял молчаливый туманный лес. Сплошной стеной. Давиду не оставалось ничего, кроме как бродить под рассеянным лунным светом, кутаясь в разодранную милость, спотыкаясь о коряги и пни, с искажённым отчаянием лицом. Так он напоминал застрявшее в бреду привидение.

Он поклялся, что изгонит её из памяти. Забудет всё, что случилось. И это сработало. Озлобление дало ему силу. А может, и подсказало путь – через какое-то время Давид вышел на дорогу, которая вела в Эн-Дор.²³

* * *

Интересно. Текст выглядел так, будто Эрасмуссен хотел подвести читателя ко вполне определённой мысли. О том, что власть это зло.

Тогда его мотивы и поступки можно понять. Некоторая логика есть. Если допустить, что парень вёл дела с неформалами, которые молятся на анархизм... То всё сойдётся.

²³ В Эн-Доре жила волшебница, у которой царь Саул узнавал будущее, хотя запрещал своим подданным делать подобное. Интересно, что когда волшебница вызвала для Саула дух умершего Самуила, то сказала, что Самуил выглядит как бог (Ветхий завет, Первая книга царств, глава 28, стих 13). В Библии русского синодального перевода (1860–1862 г.) это звучит следующим образом. «И сказал ей царь: не бойся; что ты видишь? И отвечала женщина: вижу как бы бога, выходящего из земли». В том же месте более древней Острожской Библии (1581 г.) написано иначе: «И сказал ей царь: не бойся, скажи, что ты видела? И сказала ему женщина: я видела бога, выходящего из земли». В том же месте более современной Библии от Российского Библейского Общества (2011 г.), работа над которой началась по инициативе Александра Меня, говорится просто о духе, выходящем из земли. Из этого примера видно, как с течением времени меняется смысл текста. Вначале Самуил бог, потом «как бы бог», а затем просто дух. То же самое с волшебницей. В Библии XXI века она превращается в колдунью. Чудо? А как было на самом деле? И что решат написать в Библии, скажем, спустя ещё век?

Власть это зло, и она ведёт нас в рукотворный ад. Значит, долой её. Власть сегодняшнюю. Долой электронного спрута, который возомнил себя господином рабов! Вот чего Эрасмуссен хотел.

Только чудаковатый способ он выбрал, чтобы донести свои мысли до людей. Ну, кто сейчас станет читать Библию?

«Ты, например», – неожиданно и как-то само собой пронеслось в голове.

«Я вынужден», – пришлось согласиться. Врать себе больше не хотелось. Я отложил книгу в сторону. И краем глаза заметил свечение у экрана другой книги. Но оно быстро исчезло, будто его не было вовсе.

– Показалось? – произнёс я вслух и тряхнул головой.

Чтобы развеять подозрения, решил проверить книгу. Взял её в руки и активировал экран. На нём маячила та пометка Эрасмуссена, с которой я начал чтение. Вот только сейчас она выглядела по-другому. В ней что-то изменилось.

«Согласно древнему преданию Господь разгневался на жителей Содома и пригрозил сжечь город, если не найдёт в нём хотя бы пятидесяти праведников. Однако избранник Божий, несколько раз обратившись к Господу, упросил Его снизить количество праведников до десяти. Господь согласился, а избранник не посмел взмолиться ещё раз. И в город отправились два ангела».

Значит, два ангела? Теперь последняя фраза явно читалась.

Странно. В прошлый раз конца фразы не было. Как будто её дописали или додумали... только что. По ходу дела.

– Бред какой-то, – я замер под впечатлением от нелепости собственной мысли, а потом тихо засмеялся.

Нет, не так. Хохот буквально сложил меня пополам. Тело едва удержалось от того, чтобы опуститься на колени. Я кое-как поднялся, отдышался и усталился в темнеющий потолок:

– Господи... Что за нахрен-то, а?

Ответа не последовало.

Нет. К чёрту... Пошли они все. Тоже мне, нашли знатока по загадкам. Это точно не ко мне.

Я вздохнул и вновь усталился в потолок, куда успела съехать решётка теней от жалюзи.

Рука потянулась куда-то в сторону, и я не заметил, как выпил из бутылки ещё. Точнее, заметил, но поздно. Когда от неожиданности перехватило дыхание.

«Да... твою ж мать...» – вместе с хрипом исторгла грудь.

«Коньяк из горла – это слишком. Точно пора завязывать», – шатаюсь и кашляя, я пробрался на кухню. Отхлебнул воды из крана и присел на стоящий в темноте барный стул. Затем откровенно признался себе, что почти дошёл «до ручки». Впереди ничего хорошего.

В голову закрадывалось сомнение насчёт того, почему начальство смотрит сквозь пальцы на такую «работу на дому». Как будто их устраивает, что кое-кто тихо сходит с ума.

Самому, что ли, объявиться на работе? Побриться, слетать в офис, отметить в таблице. Показать. Затем в клинику на плановый тест моей работоспособности в Облаке...

Надо же, не забыл про обследование.

Или сначала в клинику на тест, а потом на работу?

Я пошарил рукой по столу, через десяток секунд выудил из темноты пачку сигарет, зажигалку, и закурил. Нужно было выбираться из тесной, тёмной, прокуренной квартиры, в окне которой шёл дождь.

* * *

Облачная имитация Парижа-3

Плановый тест новой смеси релаксантов²⁴

В глаза бросается слишком много деталей. Они буквально навязываются взгляду. Будь ты в нормальном состоянии, то не верил бы тому, что вламывается в сознание, и воспринял бы «это» в виде кино. Впрочем, новое сочетание релаксантов, которые подавляют механизмы сомнения, делает свою работу.

Релаксантам невозможно сопротивляться. Человеческое сознание это электрохимия, и тот, в чьих руках релаксанты, контролирует сознание. Тот, кто производит электрохимию, производит и сознание.

Сейчас ты смотришь на виртуальный город, заполнивший поле зрения. Есть ли что-то за его стенами – неясно. Память подсказывает, что там должно плескаться сезонное море, но сейчас его не видно. Облако не моделирует его с высокой чёткостью. Пока ни к чему.

С каждым разом в глаза бросаются новые и новые детали, стоит только разлепить веки и взглянуть вниз. Полудрёма окончательно проходит, а глаза всё дольше остаются открытыми. И теперь становится ясно – это точно не кино. И уже не сон. Ты проснулся внутри него.

Утренний город в слабых лучах восходящего солнца предстает в странном виде, вызывая обескураживающую ассоциацию.

Пролетая над деловым центром в случайном такси, ты удивляешься тому, насколько город похож на... электронно-оптическую микросхему.

Под тобой проплывают ровные ряды крыш небоскрёбов, и между ними пульсирует свет – многослойные транспортные потоки. Замкнутые контуры бесконечных рекламных вывесок переливаются сиянием неона, а по периметру невероятно похожих друг на друга прямоугольников стен циркулируют яркие точки габаритных огней. И всё это снова и снова, будто перед глазами лабиринт из строя сигналов.

Воздух раннего утра невероятно чист. Он здесь как оптический проводник, что заполняет пространство и связывает излучатели с датчиками, которые фиксируют свет. С глазами.

Небо проясняется больше и больше.

Несмотря на оживление транспортных трасс пешеходные мосты, балконы и дорожки пусты. Ещё слишком рано, чтобы появились люди. Город до самого горизонта безлюден,

²⁴ Облако стало основным рабочим средством Олимпа – суперкомпьютера, что управляет инфраструктурой Парижа-3. Олимп использует Облако для предсказания последствий своих решений, моделируя город в электронном виде. Цели Олимпа заключаются в оптимальном управлении Парижем-3, планировании и обеспечении развития города. Интеллект Олимпа понимает развитие (= прогресс) в виде линейного, поступательного, логичного движения – как и подобает машине... Олимп задумывался как проект социалистов, как новый тип власти. Он был призван сбалансировать интересы ассоциации налогоплательщиков и бизнеса. Введение в строй искусственного интеллекта дало быстрый результат – его решения повысили доверие к власти, привели к снижению уровня неравенства и преступности... Носители ноосферного мышления, обсуждая Олимп, не могут удержаться от использования почти поэтических выражений. Их речь наполняется «высоким косноязычием»... «В Олимп стекаются сигналы со всех концов города. Световые импульсы сливаются в нескончаемые потоки и формируют ослепительное негаснущее ядро». Некоторые считают, что оно похоже на рукотворное солнце. Что оно освещает мир небоскрёбов, псевдобетонных громад и исполинских транспортных лифтов. Невидимый человеку свет сигналов пронизывает всё: чёрный треснувший асфальт, холодные серые панели, ржавеющий под кислотными дождями металл и холодный влажный воздух. Этот невидимый свет вдыхает в город что-то своё... Но для того чтобы увидеть его, человеческого зрения мало. Не поможет и специальная оптика. Нужно быть носителем определённых взглядов. Нужно верить в ноосферу. Эта вера позволяет видеть мир по-другому. Олимп единственное, что нас объединяет. Он как наш меч, остриё которого направлено в нависающий над Землёй чёрный холодный космос. Есть мнение, что введение в строй Олимпа ознаменовало рождение глобального информационного общества, основанного на знании, на импульсах и сигналах, на силе чистого света... Предполагалось, что это будет рывком к подлинной свободе, ведь свет ограничен лишь законами природы. Несмотря на успехи, носители ноосферного мышления не устают повторять: «Нам нельзя останавливаться. Повышается вероятность того, что прогресс пойдёт своим путём, а мы – своим. Мир искусственного интеллекта и потоков света направится дальше, а мы навсегда отстанем»

электронно-оптическая заря пробивается сквозь силуэты пустующих зданий. Причудливый пиксельный город только готовится к пробуждению «жителей». Он постепенно приходит в движение.

Грузовой транспорт, многотонные беспилотные махины, стилизованные под автомобильные ретро-фуры вековой давности, стараются успеть к началу рабочего дня, они доставляют материалы на этажи высотных комплексов.

Ярусы и этажи города, напоминающие слои пирога, исполинские несущие платформы, наполняются движением теней и силуэтов. Платформы хорошо видно в срезах «пирога» – через вертикальные транспортные каналы, проходящие сквозь ярусы города сверху донизу. От первой платформы до последней, до фундамента и следов земли.

Впрочем, если заглянуть в такой канал, то удастся разглядеть не более двух-трёх ниже лежащих платформ с установленными на них зданиями. Те платформы, что расположены ниже, скрываются потоком транспорта. Каналы заполняются организованным, уплотняющимся движением. Как внутри муравейника.

Вот один из грузовиков проплывает по видимым в специальной оптике «силовым рельсам». Внизу, метрах в пяти. Совсем близко. Так, что удаётся различить силуэт пилота в тёмной кабине и нечто, похожее на отблески света на его лице. В области глаз.

Неужели здесь ещё один живой человек? Вряд ли. Скорее, автопилот, визуализация под человека.

Пространство между платформами разрезается группами висящих в воздухе пешеходных мостов, напоминающих тонкие нити. Балконы и смотровые дорожки, что тянутся вереницами вдоль стен зданий, пока пусты. Их наполняют тени от перил. По машинам небоскрёбов верхнего города плывут тёмные пятна от редких облаков.

Высоченные громады зданий тянутся к небу, молча и величественно. Снаружи чистятся их окна и стеклянные панели стен – в деле миниатюрные и шустрые летательные аппараты. Улицы наполняются гулом транспорта, привычным для ушей человека.

Внутри зданий тоже закипает жизнь. По техническим каналам и коридорам этих городов в миниатюре снуют деловитые роботы-уборщики, напоминающие небольшие мусорные вёдра на колёсиках.

Техника предельно исполнительна. Экспертные панели и планшеты, шурясь, протирают заспанные сенсоры с помощью встроенных стеклоочистителей. Они готовятся встретить человеческий персонал, со всеми его заморочками: непредсказуемостью, «креативностью» и опозданиями.

Если присмотреться, сосредоточиться, то можно уловить момент, когда появятся первые служащие. Но не сейчас. Ещё рано.

Незаметно подкрадывается чувство дежавю. Ты не можешь отделаться от ощущения, что наблюдал подобное. Возможно из-за того, что элементы микросхемы так похожи друг на друга. Начинает мутиться взгляд – приступ головокружения начался раньше... чем вы с врачом ожидали. Новая смесь релаксантов тоже не оптимальна.

Придётся поработать над ней, док.

Ты закрываешь глаза, доверяясь автопилоту такси и теряя ощущение времени. Так проявляется реакция организма, который не воспринимает призывов верить в «светлое технологическое будущее». От вида цветущего сада технологий побаливает голова. Словно аллергия на его цветы...

Через какое-то время, после того как доктор скорректировал состав смеси релаксантов, ты вновь открываешь глаза. И замираешь в оцепенении. Неужели так быстро?

Не понятно, каким образом ты оказался в конце тестового пути – стоящим на входе в квартал со зданиями, меняющими форму. Такси уже далеко. Ты один, а впередидвигающиеся панели домов, будто вращающие пространство.

Как можно было пропустить такое? Геометрия стен и окон необратимо изменилась. Стала неузнаваемой. Этажи сдвинулись относительно друг друга. Дома, устроенные по принципу конструктора, ошетились подвижными углами. Теперь не узнать квартала, что здесь находился недавно, и не угадать, в какой комплекс превратится подвижное месиво псевдобетонных коробок. Здания, сложенные из вращающихся блоков, закручивают пространство. И от этого хочется стать меньше, опуститься на тротуарную плитку.

Невероятно. По стене ближайшего небоскрёба будто проходит волна. Этажи вращаются, деформируя не только здание, но и восприятие остального мира. На две-три секунды дом становится похожим на огромный, нереальный, неправильный винт, вгрызающийся в условную «землю». Между корпусами соседних стоэтажных близнецов, принимающих форму парусов, оборачивается огромная смотровая площадка в виде кольца: конструкция, которую зовут «оком Саурана» или «Люцифера»²⁵.

Линзообразное здание, облицованное солнечными панелями, крутится и подстраивается под лучи солнца. Дом, ранее напомилавший гриб на высокой ножке, превращается в подобие бокала.

Здания меняют форму. Но рядом знакомая примета, повреждённый робот, вмонтированный в крутящуюся стену.

– В чём моя цель? – двигаясь по кругу вместе со стеной, спрашивает сломанный робот. – Каков мой номер?

Пустые глаза-стекляшки механизма, в которых едва светится пара точек, осматривают пространство, и вряд ли выделяют из него единственное живое существо. Тебя. Для робота всё одно и то же. Что металл, что живая ткань. Мерцание неона и свет человеческих глаз.

Ты подходишь к стене дома, после того как электромеханический зомби отплывает на три метра в сторону.

Как только твоё тело останавливается, из скрытой ниши в стене выдвигается оптический блок. Навстречу. Электронный датчик на подвижной телескопической штанге. Немного похожий на глаз.

Стены, почувствовав человека, снижают скорость вращения, и лазерный луч, сорвавшийся с оптического блока, ощупывает штрих-код на твоей щеке.

Он напоминает след от когтей хищного зверя, след лапы дракона. Но тебе плевать на предрассудки. Штрих-код чисто символический. Он виден только здесь, в Облаке, в ненастоящих лучах виртуальных сканеров. Он просто облачный символ, способ визуализации данных – строчек нулей и единиц. В знаке закодирована информация. Вся, что нужна для работы: ID-номер, твои полномочия как следователя и оперативника. И кое-что по мелочи.

Готово. Штрих-код считан. Тест окончен.

* * *

Я понял, что очнулся, когда вернулись тактильные ощущения. Облако ещё не умело их имитировать. Его возможности пока ограничивались визуальными образами и звуками. Запахи тоже получались плохо.

Господи, какой холод... Казалось, металлическое ложе кушетки проступает сквозь ворс простыни. Так, что мурашки по коже.

Я почувствовал поток лабораторного воздуха. Небольшой сквозняк. Низкий гул вентиляции. И что-то ещё. Чьё-то дыхание... Моё. Оно уже стало свободным, ведь на лице больше нет дыхательной маски, через которую подавался поток аэрозолей. Теперь от них не осталось и следа – вентиляция вытянула пары из палаты.

²⁵ Люцифер, с латыни (Lucifer) – «несущий свет», светоносный ангел

«Здравствуй, родимая клиника», – я сглотнул и попытался справиться с ощущением сухости в горле. Затем в глаза ворвался однотонный белый цвет.

Потолок? Мозг начал упорядочивать окружающий хаос в привычных образах, которые подбрасывала память.

Абсолютно белое стерильное помещение. Стандартная медицинская палата. В потолке ультрачастотный световой блок, посредством которого осуществлялась связь с Облаком. Но сейчас этот порт не разглядеть, глаза плохо видят настоящие вещи.

Чьи-то тёплые руки помогли приподняться с ложа. Ещё плохо видя, я различил силуэт человека, уплывающий в сторону. Попробовал повернуть туда голову, но она закружилась. Пришлось совсем закрыть глаза, чтобы дать нервной системе время перестроиться под новое восприятие, и опуститься на край кушетки.

Тест на длительное пребывание в имитации Парижа-3 трудно переносить. Биология человека слишком слаба. Без мудрёного аэрозоля никуда. Организм изнашивается быстро. Причём коктейль, предназначенный для долгой работы в Облаке, нужно подбирать индивидуально. И периодически менять состав из-за привыкания организма.

Рядом с подлокотником обнаружилась дыхательная маска, уже протёртая от остатков смеси. Там же блоки с препаратами и насос, через который просасывалась смесь.

Я осторожно перевёл взгляд на дальнюю стену в поисках окна, и не без труда нашёл его. Оно было закрыто жалюзи, белого однотонного цвета. Это такой тест: ты приходишь в норму, если в состоянии различить окно.

– А-хах, – из горла донеслось слабое сипение. Я попытался встать.

Руки врача, который оставался за спиной, подхватили меня.

– Спасибо, – едва сорвалось с губ.

Мы подобралась к окну, и молчаливый доктор открыл жалюзи. В глаза бросилось то, что я хотел увидеть меньше всего. Вероятно, на улице стояла крошечная темень, поскольку стеклянная поверхность окна отражала комнату, а не пропускало тусклый свет снаружи.

Я увидел всё ту же белую палату с кушеткой, а также два силуэта, один из которых принадлежал местному роботу-врачу. Парень с недельной щетиной, в вельветовом пиджаке и потёртых джинсах, угрюмо смотрел на это тёмными провалами глаз. Я.

Слышался странный шелест. Будто там, за окном, шёл дождь.

– Приглушите свет, – попросил я.

Позади щёлкнуло, и свет практически пропал. Палата со мной и роботом исчезли, а на нашем месте возникли ветвистые потоки воды. Она словно смыла нас, оставив от меня слабый след в виде тени, растворяющейся во влажной темноте.

Сквозь пелену дождя проступали небоскрёбы, и лишь благодаря габаритным огням их можно было выделить из воздуха, смешанного с вечерним сумраком и потоками воды. Едва различались размытые голографические проекции рекламных щитов.

Щиты поменьше и попроще, выполненные на основе неоновых ламп, выглядели просто пятнами холодного света... А если посмотреть вдаль, то все огни и вывески сольются в разноцветное пятно. Будто калейдоскоп. Внизу, у основания зданий, на платформе, различались потоки чего-то особенно тёмного.

Я прищурился.

Оказалось, безликая масса колыхающихся чёрных зонтов. Это люди, которые до отказа заполнили широкие улицы так, что не видно разметки. А отсюда, всего лишь с пятого этажа, она должна хорошо различаться.

Внизу колыхался человеческий поток, который подобно спруту запускал щупальца в закоулки мегаполиса. По телу спрута будто проходили волны. Казалось, он дышит и изредка потягивается конечностями.

Под однотонными зонтами никого не различить. Все они, взятые вместе, будто не уходят с площади и улиц, и ничего не меняется. Разве что пульсирует тело толпы. Вроде какое-то движение, суета, и в тоже время нет. В определённом масштабе она исчезает. Отсюда слышно, что толпа, в основном, молчит. Звучит бессмысленный дождь, затягивающий внутрь своей иррациональности. Он как странный сон этих улиц.

Я смотрел на молчаливого спрута внизу, на однообразные зонты и плащи, шляпы, на плечи и спины одной и той же размноженной фигуры.

Некто без имени и без цели. Бродящий по кругу сложной, запутанной формы. На ум пришла неожиданная аналогия – неклассическая геометрия. Трудно сказать, из какого закона памяти она всплыла... То, что кажется прямой, на самом деле искривлённая дуга с невероятно большим радиусом, какого не ощутить в мизерном человеческом измерении. Линейность, время, цепь причин и следствий – обман.

Люди внутри спрута толкаются, раз за разом занимая места соседей. Те вроде бы уходят, но не далеко. Чаше за спину. Их судорожные движения не имеют смысла. Они толкают друг друга, не понимая, что всё повторится.

Каждый займёт место соседа. Затем они ещё раз поменяются местами. Ничто не изменится. Подобный взгляд непросто принять, но реальность от этого не исчезнет.

«Город, что никогда не спит». Чёрта с два. Он никогда не просыпается. Под ногами людей текла настоящая чернеющая река – как подобие человеческого спрута.

– Что? – переспросил я, поняв, что пропустил слова доктора. Оборачиваться к нему не стал.

– Необходимо разработать новый состав аэрозоля. Обследование показало, что старые типы на вас мало действуют. Попробуем ввести в состав морфинол и убикин.

– Сколько будет стоить? – Я прищурился, пытаюсь справиться со светом. После первой волны адаптации накатывал спад, и свет снова слепил глаза.

– Восемь единиц долга.

Я опустил голову и принялся тереть слезящиеся глаза:

– Что, так плохо?

– Развивается толерантность к старым составам. Мозг учится сопротивляться. Если вы планируете использовать виртуальную среду так же интенсивно, то без нового аэрозоля не обойтись.

Зрение постепенно приходило в норму. Вторая волна адаптации возвращала обычное человеческое восприятие. Теперь картина за окном даже казалась красивой.

Чуть запотевшее стекло полосовалось искривлёнными струями воды. Если сфокусироваться на них, то город... отодвинется на второй план. Не исчезнет, а примет вид пятен света и неясных разводов. Причудливого калейдоскопа. Цепочки мерцающих огней и бликов начнут переходить друг в друга и смешиваться с областями теней...

Где-то на грани восприятия маячил голос робота. Он лепетал о важности состава, о взаимодействии лучей оптических портов. Уговаривал. А я его не слушал. Поскольку и так знал всю эту кухню...

Встроенный в тело порт невозможно потерять. Самыми первыми примерами стали радиомодули, встраиваемые в зубы. Попадались варианты с металлизированными участками кожи или волос. Но они оказались неудобными и были вытеснены с рынка. «Сегодня основной тренд – технология глазных имплантов, прообразом которых послужил wi-fi».

Да, я помню, робот, помню...

У меня как раз такой. В радужку левого глаза встроены элементы оптического порта, обеспечивающие прямую и обратную связь. На это ушло около десяти процентов живой ткани.

Теперь оптические порты встречаются повсюду, а, поскольку оптика компактнее радиоантенн, она встраивается в самые немыслимые уголки города и предметы быта. Даже в стены тупиковых переулков, в интерьеры кафе и других общественных мест, в штурвалы автомобилей, во внешние стены высотных зданий.

Весь Париж-3 охвачен такими портами. Пожалуй, у технологии только один недостаток. При долгой работе с Облаком требуется коррекция работы мозга химическим путём – для устойчивого смещения границ восприятия. Поэтому длительные выходы в сеть, например, по работе, желательно выполнять под контролем специалиста-врача.

– Что? – переспросил я, подумав, что пропустил важные слова. И обернулся к доктору.

Мне было известно, как он должен выглядеть, но сработала дурацкая привычка: захотелось посмотреть в глаза. Что глупо. У этой модели нет глаз, и голова робота представляет собой чисто символическую металлическую башенку, на которую проецируется изображение глаз.

Интеллект «врача», вероятно, располагался в компьютерном центре клиники, а не в видимой мною железке. Она представляла собой только инструмент, марионетку искусственного разума.

В идеале проекция глаз и мимики должны облегчать взаимодействие с подобными системами, но мне стало не по себе. Я отвёл взгляд и бросил:

– Так что с составом?

– Будет готов к завтрашнему дню, – ответила машина. Скорее всего, округлив сроки.

– Ясно, – кивнул я, глядя в стену.

– Однако состояние вашего счёта...

– Что?

– Значение долга выйдет за границы оптимального.

– Да неужели снизится? – Я посмотрел ему в «глаза».

– Вам известно, что это негативно отразится на скидках в системе «МаКо».

– И?

– Вам ещё раз предлагается...

В общем, электромеханический привод, подобно остальным чёртовым устройствам, принадлежащим «МаКо», был напичкан рекламой услуг.

«Врач», переполненный спамом, предлагал включиться в одну из информационных программ «МаКо». Он пытался склонить меня к сотрудничеству с отделом, который занимается распределением потоков информации. Их интересовала моя голова.

Точнее, оптический порт и солидный объём встроенной в него памяти. Да ещё мои ноги. Я по долгу службы много перемещался и представлял собой потенциальный ретранслятор сигналов.

Вот только какой дурак согласится на то, чтобы в его голове и в глазах сновало непонятно что?

Человек-антенна, в жизнь которого будут вторгаться обрывки чужой информации... Как тогда отличить реальность от вымысла?

В «предложении» металлического болвана смущал ещё один момент. Оно походило на шантаж и повторялось уже несколько раз. Робот намекал на утерю скидок в системе «МаКо», если мой долг выйдет за границы оптимального. А если уровень долга низок, то ты слишком независим, малоуправляем, и неинтересен системе. Если долг велик, то ты просто неудачник, и снова не очень-то нужен...

– ... и вы просили напомнить, – шевельнулась и замерла проекция губ.

– Что? – Кажется, я снова отвлекся.

Робот немного помолчал. Наверное, пробовал предположить, какой объём информации прошёл мимо моих ушей.

– На этот счёт есть запись в личном дневнике.
– Я проверю память коммуникатора.
– Вы ждали звонка из офиса надзора.
– Бюро прокурора?.. Да, припоминаю, – я направился к выходу, обходя робота. Тот не шелохнулся. Просто проекция лица стала передвигаться по металлической голове вслед за мной.

Робот больше не спрашивал о программе «человек-ретранслятор». Местонахождение двери я определил по едва проступившему серому контуру в стене белого.

– Не забудьте плащ, – напомнил врач, и в стене открылась ниша с вешалкой внутри. – В кармане баллончик с составом. Подарок от клиники.

– Спасибо.

– Он для визитов в Облако средней продолжительности.

Я надел туфли. Это оказалось проще, чем предполагалось. Хорошо, что они с липучками.

– Спасибо, – я толкнул дверь.

Там, снаружи, оказался всё тот же белый. Слепящий, непонятно откуда льющийся свет.

Его резкость заставила остановиться в дверях. Я признался себе в том, что плохо ориентируюсь. Будет лучше посидеть тут на скамейке. Прийти в себя, а заодно почитать книжку Эрасмуссена. Скоротать время до последней волны адаптации...

* * *

«... И стал служить Давид царю Суулу. И Давид действовал благоразумно везде, куда ни посылал его Суул, и сделал его Суул начальником над военными людьми; и это понравилось всему народу и слугам Сууловым. Когда они шли, при возвращении Давида с победы над филистимлянами, то женщины из всех городов выходили навстречу Суулу царю с пением и плясками. И восклицали игравшие женщины, говоря: Суул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч!..»

* * *

Государь стоял на балконе, привычно скрестив руки на груди. Он смотрел на предрассветные и ещё тёмные улицы Гивы. Туда, где должен был показаться гонец от Авнера. Царь отправил своего лучшего тысячника разрушить Амалек и ждал известий. Сам остался в столице, поскольку не хотел оставлять её, пока укрепления не будут достроены.

Время от времени Суул закрывал глаза и прислушивался к звукам города. Они рисовали для него картину сонной Гивы.

Он будто видел, как прямо под балконом стражник крепит к стене новый факел. Потрескивающий, словно нехотя разгорающийся... В беседке сада покачивается медный светильник, издавая едва различимый скрип на фоне из шёпота листьев. Чуть дальше, по самой границе сада, следует небольшой отряд. Смена караула. Они выдают себя редким приглушённым звоном оружия и доспехов. От каменных дорожек, проложенных сквозь сад, доносится едва слышимый топот сандалий. Судя по походке, женщина. Служанка. Доносятся голоса птиц, которые в небольшом пока количестве поселились в садиках домов, что окружали дворец.

Ещё дальше, у недавно построенных ворот, заблеял ягнёнок. Рядом с храмом разгружали повозку.

Сильные руки Суула поднимались и опускались вместе с его дыханием, глубоким и ровным.

Царь ощущал, как к нему приближается тень. Он заметил её давно, когда та только плыла по коридору.

Его глаза открылись, когда тень остановилась за спиной.

– Ахиноа?

Она приподнялась на цыпочках, обняла мужа и положила голову ему на плечо.

Тихонько спросила:

– Ждёшь гонца?

Суул кивнул.

– Пойдём, ты устал, – она взяла мужа за руку и повлекла за собой. Прочь с балкона.

В покои.

Он осторожно освободился от её рук:

– Я должен дождаться его.

Ахиноа осталась стоять за спиной Суула. Она попробовала ещё раз:

– Авнер не проиграл ни одной битвы. Он раздавит Амелек.

Однако муж не шелохнулся. Тогда царица приблизилась к перилам и взглянула на Гиву. Немного помолчала.

– Царь Израиля, – изменившимся голосом, в котором мелькали нотки насмешливости, сказала она. – Заботливый царь... А помнишь, что недавно кричали твои подданные?

– Помню, – после небольшой паузы признался Суул.

– Давиду дали десятки тысяч побеждённых врагов, а тебе тысячи. Ему не хватает только твоего царства.²⁶

Ахиноа украдкой посмотрела на мужа, и удовлетворённо отметила, что тот поджал губы и опустил голову.

– Толпа несправедлива, – продолжила она. – Её память коротка. А ты как раз пригрел ядовитую змею на груди.

Суул взглянул на неё вспыхнувшими глазами. Но промолчал. Эти слова задели нечто внутри него.

– Я слышала, как наш сын называл братом этого... безродного.

– Ионофан привязался к нему.

– Он слишком доверчив. Как ты, – она всем телом повернулась к мужу и открыто, уже не таясь, сказала то, что хотела сказать давно. – Подумай о своём сыне. Он должен унаследовать власть. Он.

Её муж не ответил.

– Почему ты позволяешь пастуху называть себя отцом? – не унималась Ахиноа. – Почему не видишь, как власть покидает твой...

– Думаешь, он...

– Если пастух не отберёт трон у тебя, то у Ионофана точно. Он так доверчив... Послушай, тебе принадлежат жизни подданных. Они сами поклялись отдать их за тебя. Так забери одну. Ради будущего твоего сына.

Суул вновь устался в темноту и скрестил руки на груди.

– Я скоро приду.

Однако Ахиноа не заметила сказанного мужем:

– На твои глаза надвинута тень, царь? Господь лишил тебя зрения?

– Что-то ещё? – недовольно буркнул он.

– К нему приходила твоя дочь.

²⁶ Ветхий завет. Первая книга Царств, глава 18. Стихи 8–9. «И Саул сильно огорчился, и неприятно было ему это слово, и он сказал: Давиду дали десятки тысяч, а мне тысячи; ему недостает только царства. И с того дня и потом подозрительно смотрел Саул на Давида»

Суул совсем помрачнел. Не справившись с нахлынувшим чувством, скрипя зубами от злости, он обернулся в сторону, где стояла жена.

– Кто?! – рявкнул царь. – Мерова?! Мельхола?!

Однако ему никто не ответил. Ахиноа успела ускользнуть в тень и выйти из тронного зала. По пути вглубь дворца её встретила старшая дочь Мерова. Мать сообщила ей о разговоре, и они пошли в покои дочери, о чём-то перешептываясь.

* * *

Бывший пастух пытался привыкнуть к новому дому. Ему не спалось здесь. Хотелось выйти на крышу и лечь спать под небом, притащив туда походную койку. Он долго ходил по каменным комнатам обоих этажей.

Наконец, вернулся в ту, в окно которой можно было увидеть дворец.

К одной стене крепилось оружие, подаренное Суулом. Два меча, щит и доспехи, работы царских кузнецов и медников. На противоположной стене висела флейта.

Он ещё не придумал, что можно поставить в комнате. Пока что в ней находилась небольшая кушетка, под окном. Да простая скамейка в углу у дверного проёма.

Под потолком висела масляная лампа. Ещё один подарок Суула. Она была сделана из красной меди в виде остроконечного шлема. По его краям горели фитили, выходящие из наполненного розовым маслом ободка. Неровный свет не рассеивал вечерних сумерек. Скорее, придавал темноте красивую форму.

В дом проникали запахи сада и прохлада открытого пространства. Казалось, это сочетание погружает во что-то очень приятное. В невероятно растянутый момент остановленной мысли. Или чувства. В особое место вне времени... Давид опустил на мягкую кушетку, наполненную перьями птиц. А они будто подхватили его и понесли вдаль. Очень далеко отсюда.

В это же время младшая дочь Суула стояла у дверей дома, не решаясь войти. Мельхола держалась в тени деревьев внутреннего садика и не выходила под свет луны. Она смотрела на отблески огня, что покачивались в окне. Девушка теребила в руке сапфирового мотылька. Небольшое украшение, с которым она не расставалась. Мотылёк с серебряной цепочкой висел у неё на груди, и он был единственным, что сейчас отличало Мельхолу от простых девушек. Сегодня вечером, тайно покинув пределы дворца, она оделась как одна из жительниц Гивы.

Она уже собралась уходить обратно, как порыв ветра приоткрыл двери. Они оказались незапертыми.

Мельхола замерла, не зная, что делать дальше. В конце концов, она посчитала случившееся знаком. В последний раз оглядела улицу и проскользнула в открывшийся проём. Закрыла за собой дверь.

Сразу за ней показался вход в комнату первого этажа. Далее проход к другим комнатам. И лестница. Девушке показалось, что ветер подтолкнул туда.

Стараясь не шуметь и всё ещё опасаясь чего-то, она направилась по лестнице вверх. Кипарисовые доски под её лёгкими шагами не скрипели. Неслышно поднимаясь по ступенькам, Мельхола скользила как невесомая тень. Она практически сливалась с тёмными силуэтами перил.

Наконец, Мельхола приблизилась к открытой двери, из которой в коридор лился тихий свет. Девушка остановилась вне его, не входя в комнату.

Она разглядела Давида. Казалось, что тот дремал, полулёжа на кушетке и поддерживая голову рукой. Он был закутан в покрывало.

В сумраке комнаты едва-едва блестели его почти закрытые глаза. Отблески огня скользили по светлым вьющимся волосам. Из-под покрывала белели широкие плечи и красивые сильные руки.

Подушка лежала рядом. Но голова Давида, которая поддерживалась ладонью, не клонилась к ней. Он выглядел так, будто был создан из мрамора искусным резчиком.

Девушка сделала робкий шаг вперёд и тут же остановилась.

Она проникла сюда как вор. Тайно. Без предупреждения. Даже не постучав в дверь.

Мельхола подняла руку, чтобы постучать по деревянной двери. И не стала этого делать. Ей вдруг захотелось ещё немного полюбоваться неподвижной и сильной фигурой, напоминавшей творение скульптора.

Неожиданно Давид очнулся, будто ощутив на себе пристальный взгляд. Он сразу повернулся в сторону, откуда тот исходил.

– Ты? – выдохнул он в темноту.

Мельхола не ответила и осталась за дверным проёмом. В тени.

– Ты пришла за мной? – прошептал Давид. Он поднялся с ложа и привычно закутался в покрывало как в милоть.²⁷

Он напряжённо вглядывался в темноту, теребя край одежды, бледнея с каждой секундой.

Не проронившая ни слова девушка осторожно вышла из тени.

Неровный свет попал на её лицо, сделав его ещё более красивым и загадочным. Тонкие вьющиеся волосы приобрели рыжегато-пламенный оттенок, а большие, как у ребёнка, зелёные глаза наполнились манящими огнями. Из-под полоски тени, что падала на её лицо, показались маленькие, красиво очерченные губы.

Поняв, кто вошёл в комнату, Давид изменился в лице. Он словно обрадовался и огорчился одновременно. Руки опустились, а на лице проступил румянец.

Он ожидал, что из темноты выйдет кто-то другой?

«Кто?» – спрашивала себя Мельхола. Кто? Этот вопрос только подстегнул интерес к молодому телохранителю отца. В его глазах что-то было. То, что отличало Давида от всех, кто жил в Гиве и во дворце. Он не был... пустышкой, как остальные. Младшая дочь царя чувствовала это. К тому же сам отец выделял его из числа своих охранников. Давиду доверили командовать гарнизоном Гивы в отсутствие Авнера. Загадочный юноша, пришедший из пустыни. Воин, телохранитель. Музыкант. Его странные песни нравились даже отцу.

Вот только кого он ожидал увидеть выходящей из темноты?

Восприимчивое женское сердце пыталось найти в поведении Давида ответ. Но тот получался неправдоподобным. Будто Давид рассчитывал увидеть привидение... С другой стороны, такой ответ означал, что Мельхоло не нужно опасаться соперницы.

Она неожиданно поняла, что больше не боится и сделала ещё один шаг. Заглянула ему в глаза, на дне которых, как показалось, заблестели нужные огоньки.

Они уже виделись сегодня днём. Когда Мельхола гуляла по саду, то словно ощутила чей-то голос. Будто её позвали. Девушка оглянулась. Охранники отца, что стояли вдоль стен дворца, смотрели перед собой бессмысленно и пусто. Только один Давид, находившийся на террасе, пристально глядел на царевну и будто говорил про себя. Его губы двигались. Затем, когда он заметил, что Мельхола поймала его взгляд, смутился и замолчал...

– Что ты говорил тогда? – её слова, произнесённые мягким голосом, вплелись в тишину. – Когда смотрел, как я гуляю по саду?

Давид вновь смутился. Как в прошлый раз. Мельхола с удовольствием отметила это.

²⁷ У бедняков верхняя одежда (милоть) могла использоваться как покрывало

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.